

Научная статья
УДК 93"1757–1768"
doi: 10.17223/15617793/481/19

К истории преследования российских помещиков за жестокое обращение с крепостными: инициирование дела Салтычихи (1757–1763 гг.)

Ерофей Юрьевич Моряков¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
erofeymoryakov@gmail.com, ORCID: 0000-0002-6907-1865

Аннотация. Проводится анализ следственных дел и жалоб против Дарьи Салтыковой в 1757–1763 гг., в период, предвещающий централизованное следствие в Юстиц-коллегии. Показано, как и когда челобитчики добились реакции властей на преступления помещицы и почему ей удавалось уходить от правосудия. Предложены три объяснения тому, почему следствие в Юстиц-коллегии началось только в 1763 г. и имело затяжной характер.

Ключевые слова: Елизавета Петровна, Петр III, Екатерина II, Салтычиха, крепостное право, жестокое обращение, жалобы, Москва

Благодарности: автор выражает благодарность Е.В. Акельеву, В.Е. Борисову и А.С. Сироткину за предоставление отдельных источников и помощь с архивными поисками, Е.Б. Смилянкой – за помощь с редактированием статьи.

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01402, <https://rscf.ru/project/22-28-01402/>, ИРЛИ РАН.

Для цитирования: Моряков Е.Ю. К истории преследования российских помещиков за жестокое обращение с крепостными: инициирование дела Салтычихи (1757–1763 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 165–182. doi: 10.17223/15617793/481/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/19

To the history of the prosecution of Russian landlords for the abuse of serfs: Initiation of the Saltychikha Case (1757–1763)

Yerofei Yu. Moriakov¹

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, erofeymoryakov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6907-1865

Abstract. This article examines the legal cases and petitions about the crimes of Darya Saltykova, the most famous serial killer in eighteenth-century Russia. From the mid-1750s to 1762, Saltykova murdered and maimed serfs in her Moscow mansion at the intersection of Sretenka and Kuznetsky Most streets, as well as in the village of Troitskoye near Moscow. According to testimonies, Saltykova murdered 75 serfs, whereas the court found her guilty of 45 murders. The imperial decree of 1768 deprived Saltykova of nobility and the family name, after which contemporaries took to calling her “Saltychikha”. The chronological framework of my study covers the period of 1757–1763, when at least 22 cases of crimes committed by the “Bloody Lady” were initiated and that preceded the centralised investigation at the Collegium of Justice. This article shows how and when the complainants got the authorities to react to the landlady’s atrocities. Achieving this goal will make it possible to understand better why Darya Saltykova evaded justice for many years. The research refers to legal cases related to the murders committed by Saltychikha. The unpublished cases are stored in the collections of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). The sources consist of the serfs’ complaints, decrees of Catherine II, reports and decrees of the Senate, reports, references, extracts from the interrogation protocols, as well as opinions prepared by the Collegium of Justice, office correspondence. In the text of the article, I reconstruct the chronology of petitions and investigative proceedings against Darya Saltykova. I analysed the practices of sending complaints to courts, as well as the narratives presented by petitioners and officials during the investigation. The serfs, a priest and a nobleman – more than 60 people – filed 20 complaints charging the landlady with beatings, assassinations and attempted murders. Additionally, 7 girls who had died from beatings by Darya Saltykova were examined in different Moscow institutions. The petitions filed between 1757 and 1763, as well as medico-legal autopsy reports did not initiate full-scale investigations. However, during this period a body of evidence developed to support the subsequent murderer’s conviction. After the

serfs' appeals to Catherine II, a radical change occurred in the process leading to the house arrest, interrogation and punishment of the notorious noblewoman. I conclude that the serfs' complaints, as well as the monarch's control over the investigation, were of key importance in initiating the case. Three points could explain why the investigation started late and why it was protracted: lack of legislation, lack of complaints, and indifference of the officials and victims' neighbours.

Keywords: Elizabeth Petrovna, Peter III, Catherine II, Saltychikha, serfdom, abuse, complaints, Moscow

Acknowledgements: I am grateful to E.V. Akelev, V.E. Borisov and A.S. Sirotkin for their assistance in finding sources, to E.B. Smilyanskaya for her help with editing.

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-01402, <https://rscf.ru/project/22-28-01402/>, IRLI RAN.

For citation: Moriakov, Ye.Yu. (2022) To the history of the prosecution of Russian landlords for the abuse of serfs: Initiation of the Saltychikha Case (1757–1763). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 165–182. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/19

В период существования крепостничества в Российской империи многие помещики, включая А.Т. Болотова, В.В. и И.В. Капнистов, Н.И. Новикова, В.Г. Полетику, А.И. и Н.И. Чихачевых, следили за благосостоянием, здоровьем и нравственностью подневольных им людей, с умеренностью наказывали их за проступки и преступления, защищали их от злоупотреблений приказчиков и старост. Так, например, писатель и ученый Андрей Тимофеевич Болотов в 1766 г. сослал своего приказчика в дальнюю вотчину «из подозрения якобы он портил людей» [1. Л. 95 об.; 2. Стб. 303–315; 3. Стб. 63–65, 103, 474–478, 505–507, 638–642, 1123; 4. Стб. 131, 177–179; 5. С. 207–209, 319–350, 471–520; 6. С. 147–156; 7. С. 98–227; 8. С. 203–233]. Однако среди помещиков встречались и садисты-крепостники, которые изнурили, калечили и убивали свою «крещеную собственность». Повествуя о событиях 1762 г., мемуарист А.Т. Болотов отмечает, что крепостные, находившиеся под управлением Анны Фоминой (в замуж. Кавериной), супруги «внучатого дяди» писателя, терпели от помещицы «не только всякая брани и ругательствы, но и самые побои и мучительствы» [2. Стб. 349–350]. Многие крестьяне чаты Кавериных не выдержали такого отношения и убежали из деревни, приведя состояние помещиков в упадок. Фомину мемуарист иронически называет «госпожей Чудихиной» [2. Стб. 511], отсылая к отрицательному персонажу из комедий Екатерины II.

Помещица Дарья Николаевна Салтыкова (1730–1800) – самая известная серийная убийца в России XVIII в. Дарья приходилась внучкой думного дьяка Поместного приказа Автонома Ивановича Иванова (ум. 1709), скопившего за время службы при Софье Алексеевне и Петре I имения, которые населяли около 16 тысяч крепостных. Первым и последним браком Д.Н. Иванова вышла замуж за Глеба Алексеевича Салтыкова (ок. 1714–1756), который служил ротмистром лейб-гвардии Конного полка, и взяла фамилию супруга. После его смерти Дарья Салтыкова принялась калечить и убивать дворовых девушек в своей московской усадьбе, стоявшей на пересечении Сретенки и Кузнецкого моста, а также в подмосковном селе Троицкое. Под управлением «кровавой барыни» находилось более 4 000 крепостных (по данным 3-й ревизии), а значит, она может быть причислена приблизительно к тысяче богатейших помещиков

Российской империи. Вдове Салтыковой и ее детям, Федору (1750–1801) и Николаю (ок. 1751–1775), принадлежали селения, находившиеся в Московском уезде Московской губернии, в Малоярославецком и Медынском уездах Калужской губернии, в Вяземском уезде Смоленской губернии, в Унженском и Вологодском уездах Архангелогородской губернии. По приказу барыни и ее мужа из деревень в Москву и Троицкое были привезены 138 крестьянок, большинство из которых к 1762 г. умерли или пропали без вести. Согласно показаниям, Салтыкова и ее помощники из числа дворовых убили 75 крепостных. Их жертвами становились, как правило, «девки» (незамужние женщины), реже – «жонки» (замужние женщины), тогда как всего трое известных жертв были мужчинами. Помещица оправдывала побои и пытки девушек тем, что они якобы некачественно убирали господский дом [9. Л. 8–12 об.; 10. Л. 29–38, 60, 123, 133, 163–163 об.; 11. Л. 285–289 об., 315 об., 391–392; 12. С. 497–498, 526–528; 13. С. 31–34].

Салтыкова совершала свои убийства на рубеже правлений Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II, когда дворяне приобрели монопольное право на владение землей и крепостными, в отношении которых пользовались практически абсолютной властью. Помещики по своему усмотрению обменивали и продавали, переселяли и женили, наказывали и отдавали в солдаты зависимых от них людей. Во второй половине XVIII в., по словам Е.Н. Марасиновой, подневольный труд не только создавал материальную базу для самоутверждения господствующего сословия: крепостничество прочно переплеталось с бытием дворянина, мощно воздействуя на его сознание. Потребительское отношение к крестьянам и дворовым становилось нормой, и многие дворяне воспринимали убийство крепостных как частное дело владельца. В целях сохранения общественной стабильности государство должно было реагировать на вопиющие случаи крепостнического насилия. По крайней мере, с 1761 г. суды преследовали помещиков за жестокое обращение с подневольными им людьми. Согласно подсчетам, в 1760-х – начале 1790-х гг. более 40 помещиков были приговорены к наказаниям за убийство своих крепостных, в том числе к лишению дворянства и ссылке в Сибирь. Императрица Екатерина Алексеевна в своих конфирмациях на доклады Сената утвер-

дила большинство известных приговоров по таким делам. Как правило, за крепостных в судах ходатайствовали местные светские и духовные власти. Частновладельческие крестьяне и дворовые были вынуждены искать посредников для обращения к представителям власти, поскольку они не имели права свидетельствовать против своих владельцев по уголовным делам [8. С. 203–233; 13. С. 178–222, 370–376; 14. С. 128–144]. Первым случаем, когда помещицасадистка была арестована и наказана после того, как ее крепостные самостоятельно ходатайствовали в суде, стало дело Дарьи Салтыковой. Указом от 2 октября 1768 г. Екатерина II лишила Салтыкову дворянства и запретила подданным именовать ее «названием рода» отца и мужа, т.е. у Дарьи официально отняли фамилию. 18 октября это постановление было прочитано на Красной площади, где Дарья Николаева дочь выстояла час с прикрепленным ей на шею листом, на котором было написано «Мучительница и душегубица». Указ о гражданской казни бесфамильной изуверки был объявлен «во всенародное известие». Вероятно, именно тогда современники и дали крепостнице прозвище «Салтычиха», которое стало нарицательным [11. Л. 400–401 об., 426 об.; 15; 16. Р. 82, 124]. С тех пор салтычихами называли помещиц, истязавших своих крепостных (А.В. Козловскую, А.И. Полуэктову, О.К. Брискорн, А.С. Шелешпанскую и Г. Стоцкую), а также любых других жестоких женщин.

В XVIII–XIX вв. память о деле Салтычихи сохранялась, прежде всего, в устной традиции. Широкое распространение имел ничем не подтвержденный слух о людоедстве помещицы. Через столетие после наказания «душегубицы» на Красной площади было опубликовано письмо непосредственного свидетеля казни. В Нижегородской губернии была записана легенда о встрече Салтычихи и заточенного в клетку Емельяна Пугачева в Москве (согласно легенде, помещица умерла сразу после свидания с Пугачевым, и на ее «хоромы» прилетели два черных ворона). В 1779–1800 гг. Дарья Салтыкова содержалась в застенке, пристроенном к южной стене собора Ивановского женского монастыря. Желавшие приходили в церковь, чтобы посмотреть на заключенную через окно с занавеской, которое выходило на пристройку. Француз П.Д. де Пассенан, работавший частным учителем в Москве, записал в своих воспоминаниях, что нашел монастырскую колодницу уже 70-летней старухой. Пореформенные историки узнали об этом зрелище со слов московских старожилов П.Ф. Карабанова и П.М. Рудина [16. Р. 82, 124; 17. С. 18–19; 18. С. 304; 19. С. 650–651; 20; 21. С. 1283–1284; 22].

Исторические сочинения о следственном процессе¹ над Д.Н. Салтыковой начали появляться после 1861 г. В год отмены крепостного права историк и этнограф И.М. Снегирев сообщил в публикации, что в его коллекции хранится «обстоятельный экстракт» (краткий пересказ) из дела Юстиц-коллегии о преступлениях Салтычихи. Еще в 1817 г. Снегирев получил этот экстракт от подъячего С.С. Горюшкина [24. С. 66–67]. В сентябре 1863 г. редакция журнала «Зритель общественной жизни, литературы и спорта» за-

получила «подлинное, до сих пор никому неизвестное дело о Салтыковой»; в двух номерах было опубликовано его краткое содержание [18; 25]. В статье 1874 г. Г.И. Студенкин подробно описал преступления «душегубицы» и то, как они расследовались, а также составил список жертв Салтычихи (на основании свидетельских показаний, собранных Юстиц-коллегией) [12]. В работе «Крестьяне в царствование Императрицы Екатерины II» В.И. Семевский проанализировал как материалы следствия, так и обширную историографию о деле, накопившуюся к тому времени [13. С. 223–229]. Среди дореволюционных авторов, которые исследовали процесс Салтычихи или публиковали материалы дела, также следует назвать П.Г. Кичеева, Л.П. Майкова, Д.О. Шеппинга, Н.П. Розанова и П.И. Мельникова [19–21, 26–28]. При всей фундаментальности всех упомянутых работ, существенным их недостатком является отсутствие ссылок на архивные источники. Кроме того, дореволюционные авторы не ставили задачей реконструировать в хронологическом порядке петиционное движение и следственные дела, возбужденные против Салтычихи.

Русисты, писавшие о деле Дарьи Салтыковой после 1917 г., опирались на предшествующую научную традицию. М.Н. Гернет и Е.Н. Марасинова проанализировали приговор в отношении Дарьи Салтыковой [14. С. 134, 202–203; 29. С. 79–80, 84–86, 289–290]. Дж. Блюм в 1961 г. отмечал, что, хотя Салтычиха и ей подобные были психопатами, «бездумная и подсознательная жестокость» имела вездесущий характер в крепостнической России. Блюм преуменьшал роль крепостных в возбуждении следствия, отмечая, что «поведение помещицы обрело дурную славу, и власти были вынуждены что-то предпринять» [30. Р. 438–439]. М.Ф. Прохоров рассмотрел жалобы крепостных Салтычихи и других помещиков, поданные в Московской губернии с 1750 по 1775 г., всего 41 петицию. Как оказалось, в 33 челобитных крепостные сообщали о произволе и насилии со стороны владельцев, а в 7 случаях – о взяточничестве и волокитстве в судах, куда они обращались [31. С. 126, 171–176]. Упоминания о деле Салтычихи М.Л. Маррезе отметила, что крепостные практически не имели средств правовой защиты от злоупотреблений помещиков. Только Павел I разрешил подневольному люду обращаться к правителю с жалобами на притеснения владельцев [32. Р. 229–231].

С.А. Экштут проанализировал покушения Салтычихи на своего бывшего любовника, капитана Николая Андреевича Тютчева, приходившегося родным дедом поэту Ф.И. Тютчеву [33]. Две работы Л.В. Маньковой 2002 и 2016 гг. представляют собой заимствования из статьи Г.И. Студенкина. Текст Студенкина в них скопирован или перефразирован, однако ссылки на него отсутствуют, равно как и ссылки на источники, о знакомстве с которыми заявляет автор [34, 35]. Е.В. Анисимов проанализировал исторический контекст преступлений барыни, отметив, что в 1750-х гг. крепостных окружал «мир каждодневного насилия и издевательства». С этим замечанием трудно поспорить, но нельзя согласиться с указанием исто-

рика, что дело Салтычихи началось из-за молвы, которая «возбудила общество» [36. С. 279–285; 37. С. 401–425]. Ю.М. Эскин в публикации 2002 г. привел фонды Российского государственного архива древних актов (РГАДА), в которых хранятся дела о преступлениях Д.Н. Салтыковой, в том числе «экстракты» из следственного дела о преступлениях Салтычихи, которое велось в Юстиц-коллегии. Данные материалы, однако, не используются современными исследователями [38]. В 2012 г. С.В. Черников опубликовал алфавитные списки помещиков Московского уезда в первой половине XVIII в. с указанием числа принадлежавших им крепостных. Выясняется, что, по данным 3-й ревизии, Дарья Салтыкова владела 487 душами м. п. в Московском уезде [39. Р. 172, 217]. Участники проекта «Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в.», проводившегося под эгидой Германского исторического института в Москве, на сайте проекта создали веб-страницу о Дарье Салтыковой. Здесь упоминается архивное дело 1762 г., посвященное отправке производств по жалобам на Д.Н. Салтыкову из Сысного приказа в Юстиц-коллегию [40, 41]. Хотя в историографии 1917–2022 гг. были рассмотрены новые аспекты следственного дела Салтычихи, историки в значительной степени опирались на выводы дореволюционных авторов, без обращения к архивным источникам.

Распространение в историографии, литературе и массовой культуре мифов и домыслов о Салтычихе можно объяснить отсутствием современных историко-архивных исследований о деле помещицы. Необходимо свести в одной работе все известные архивные документы, относящиеся к процессу «душегубицы». Вместе с тем представляется актуальным комплексный анализ петиционного движения и следственных дел против Дарьи Салтыковой в 1757–1763 гг. В этот период, совпавший с рубежом царствований Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II, в широком смысле определялось, найдется ли сила, способная остановить Салтычиху, понесут ли наказание злодейка и ее пособники. Далее я попробую доказать, что инициирование расследования преступлений вдовы Салтыковой было заслугой челобитчиков и Екатерины II, а вовсе не широкой публики. Для этого важно понять, когда и как крепостные добились реакции властей на преступления «кровавой барыни» и почему Дарье Салтыковой удавалось избегать от правосудия весьма продолжительное время.

Комплекс делопроизводственной документации, относящейся к делу Салтычихи, по объему превосходит любое другое дело о жестоком обращении с крепостными в России. С 1757 по 1762 г. в московских учреждениях было инициировано по меньшей мере 22 дела об убийствах, приписываемых Салтычихе. Весь этот период Дарья Салтыкова продолжала истязать служанок. Только после обращения крепостных к Екатерине II в октябре 1762 г. все дела, возбужденные ранее против помещицы, были переданы в Юстиц-коллегию, а сама «душегубица» была посажена под домашний арест [9; 10. Л. 19, 32, 39 об., 152 об.–155; 11. Л. 260 об.–264, 290–291 об.; 41; 42; 43. Л. 108–108 об.; 44. Л. 455; 45. Л. 22–24 об.].

Ниже представлена хронология жалоб и расследований по делу Салтычихи.

14 декабря 1757 г. в Московскую полицмейстерскую канцелярию обратилась дворовая Салтычихи, Василиса Нефедьева дочь, сообщившая, что Дарья Салтыкова убила свою «девку» Аграфену Потапову дочь. Дело было передано в Сысной приказ, где Василиса была наказана кнутом; очная ставка крепостной и барыни не проводилась. По воле Салтычихи девушка была сослана в Оренбургскую губернию. Как показали Савелий Мартынов и Ермолай Ильин, «оное все сделано по подкупу во угождение помещицы их» [9. Л. 14 об.; 10. Л. 165–166; 11. Л. 185–187 об.].

23 декабря 1757 г. капитан съезжего двора 1-й команды² Николай Телегин сообщил в Московскую полицмейстерскую канцелярию, что он был призван Д.Н. Салтыковой в ее дом на пересечении Кузнецкого моста и Сретенки для осмотра умершей дворовой Анисьи Григорьевой дочери. Телегин зафиксировал на ней рубцы от побоев. Муж Анисьи, дворовый Трофим Степанов, объявил капитану, что причина смерти – побои Салтыковой. После этого сотские и десятские доставили труп в Московский генеральный сухопутный госпиталь, где на нем зафиксировали телесные повреждения «на всей спине и по обоим бокам». 2 февраля Трофим Степанов сбежал от Салтыковой и кричал около съезжего двора «караул». Крепостной объявил полицейским, что по приказанию помещицы ее «гайдук» (так называли в имени приближенных к госпоже дворовых) Федор Сомин забил до смерти служанку Анну Матвееву. На допросе в Московской полицмейстерской канцелярии Трофим также сообщил, что после истязания Анисья выкинула мертвого младенца и на четвертый день скончалась. Два свидетеля из числа крепостных, которых назвал челобитчик в полицию, не подтвердили его показаний, после чего Трофим был отправлен обратно в дом помещицы. При пересмотре дела в 1766–1767 гг. на основании проведенной ранее судебно-медицинской экспертизы Юстиц-коллегия установила вину вдовы Салтыковой в убийстве Анисьи. Однако факт убийства Анны Матвеевой остался недоказанным [10. Л. 33–34; 11. Л. 213–218].

24 мая 1759 г. в 4 часа утра в Московскую полицмейстерскую канцелярию пришел упомянутый сообщник Салтычихи Федор Иванов сын Сомин. Дворовый сообщил, что помещица в марте и апреле убила шесть «девок», которых привезла из своих дальних вотчин. Дело было передано в Сысной приказ. Сомин назвал ряд свидетелей, однако они не подтвердили его показаний. В июле того же года крепостного наказали кнутом и отдали в дом Салтычихи. Согласно показаниям Савелия Мартынова и Ермолая Ильина, он был отправлен в село Вокшино, где был содержан «в железах» [9. Л. 14; 10. Л. 122 об.–123 об.; 11. Л. 187 об.–192]. Затем Федор Сомин был отправлен под надзор старосты деревни Телячковой Никифора Григорьева, от которого крепостному удалось сбежать. В августе 1761 г. Салтычиха лишила жизни Никифора в наказание за плохой надзор [11. Л. 242–244]. Дела по жалобам Василисы Нефедьевой дочери и Фе-

дора Сомина не были пересмотрены и далее: в 1767 г. Юстиц-коллегия рассудила, что они были решены на законных основаниях. Проситель Ермолай Ильин, который сообщил, что московские чиновники помогали Салтычихе скрывать совершенные убийства за взятки, был обвинен в ложном доносе и сослан в Нерчинск. Против Ермолая сыграл тот факт, что он соучаствовал «кровавой барыне» в убийствах, а также то, что в 1757–1759 г. он лжесвидетельствовал в полиции «во оправдание помещицы своей» [11. Л. 190–190 об., 381, 405–405 об.].

19 ноября 1759 г. гайдук Федот Михайлов сын Богомоллов объявил караульному московской полиции, что по приказанию Салтыковой в ноябре он стал соучастником убийства своего племянника Хрисанфа Андреева в московском доме помещицы. После избияния Хрисанфа Богомоллов отвез умирающего в Троицкое. В селе гайдук встретил старосту Ивана Михайлова, которому рассказал об истязаниях. К тому времени Хрисанф испустил последнее дыхание, и крепостные отнесли тело в сельский хлев. Назавтра Богомоллов перепрятал труп под пол кухни господского дома, и в течение нескольких дней обратился в полицию. Дело было передано в Московскую губернскую канцелярию. Узнав об этом, Салтычиха приказала перепрятать труп в поле под снегом; тело покойника нашел подпоручик Суков, отправленный из губернской канцелярии. На допросе староста Михайлов не подтвердил показания Богомоллова. В апреле 1760 г. материалы дела и двух крепостных доставили в Сыскной приказ. Через несколько месяцев челобитчика отдала обратно помещице. Только на допросе в Юстиц-коллегии в 1763 г. Иван Михайлов изменил показания, подтвердив версию Федота: убийство Хрисанфа Андреева Салтычихой было доказано. Коллегия выявила, что в 1759–1760 гг. процедура расследования была нарушена и даты, проставленные в документах, не соответствовали действительности [9. Л. 14; 10. Л. 44 об.–50; 11. Л. 192–209; 12. С. 516–517; 42. Л. 2 об.–3].

С 1757 по 1762 г. приходской священник, офицеры съезжего двора, врачи полиции и Московского генерального сухопутного госпиталя провели осмотры пяти служанок, умерших от побоев Салтыковой в ее доме на пересечении Кузнецкого моста и Сретенки: Анисьи Григорьевой дочери, Пелагеи Петровой дочери, Катерины Тимофеевой дочери, Анны Петровой дочери и Дарьи Дементьевой дочери. В разное время эти девушки были привезены в Москву соответственно из деревни Гребенкиной Медынского уезда, из деревни Теплый стан Московского уезда (Пелагея и Катерина), из деревни Анисимовской Вологодского уезда и из села Вокшино Московского уезда [10. Л. 58–63; 11. Л. 213–237].

Иван Иванов был священником Введенской церкви на Сретенке, прихожанкой которой была Д.Н. Салтыкова и ее люди. В обязанности пастыря входило исповедовать и причащать жителей прихода перед смертью на дому, но сделать это получалось не всегда: дворовые Анисья, Пелагея и Катерина скоропостижно скончались в доме Дарьи Салтыковой «без

исповеди и причастия». Священники не имели права хоронить умерших насильственной или внезапной смертью, без предварительного получения полицейского свидетельства. Поэтому каждый раз, когда вдова Салтыкова просила Ивана Иванова похоронить девушек у приходской церкви, он требовал от нее «похоронные». После отказов со стороны сретенского священника служитель барыни Мартьян Зотов был вынужден объявить об Анисье, а после о Пелагее и Катерине на съезде двора 1-й команды. В усадьбу барыни на Кузнецком мосту приходили полицейские офицеры, сотские и десятские, которые проводили наружные осмотры покойниц, отправляли тела для проведения вскрытия в Московский госпиталь [10. Л. 32–35 об., 60 об.–62; 11. Л. 213–231; 45. Л. 22–24 об.; 48. С. 1303–1308]. Как отмечают А.Б. Каменский и Е.Х. Баринев, осмотры было положено проводить в присутствии свидетелей из числа местных жителей. В Москве середины XVIII в. при освидетельствовании мертвых тел часто присутствовали профессиональные медики. Если участники осмотра обнаруживали следы насильственной смерти, покойников отправляли в госпиталь [49. С. 300–302; 50. С. 32–39].

Других дворовых Салтычихи, Анну Петрову дочь и Дарью Дементьеву дочь, священник Иван Иванов успел исповедать и причастить, но все же отказался их хоронить, подозревая, что их смерть приключилась по вине помещицы. В декабре 1760 г. сретенский пастырь вместе с причтом осмотрел тело Анны в храме и нашел на покойнице «боевые знаки», а потому «без указа» хоронить ее не стал. Иван сообщил о трупе в Московскую духовную консисторию, которая в свою очередь потребовала от полиции расследовать «умертвие». В апреле 1762 г. по просьбе Ивана Иванова причт сретенского храма вместе со священником из другого прихода осмотрели в доме Салтыковой тело дворовой Дарьи и заметили на ее лице «синие пятна». Служители церкви собирались отнести покойницу в церковь, где бы ее осмотрели «богаделенные старухи»³. Но поскольку помещица «мертвого тела в церковь выносить не велела», Иванов подал в московскую консисторию уже второе «доношение», и учреждение провело собственное расследование. Служитель помещицы Мартьян Зотов, в свою очередь, сообщил об Анне, а после – о Дарье на съезде двора, после чего покойницы были осмотрены полицейскими и врачами. Как показала коллежская ревизия, не только в этих случаях, но и «почасту» Зотов объявлял полицейским 1-й команды о дворовых девушках своей помещицы, которые якобы умерли от болезни [10. Л. 34 об.–36, 58–62 об.; 11. Л. 220 об.–237].

На каких основаниях врачи Московского генерального сухопутного госпиталя проводили освидетельствование пяти дворовых девушек, и как полиция распорядилась об их захоронении? С петровского времени в Москве тела «подлых людей», найденных на улице, доставляли в основанный Н.Л. Бидлоо госпиталь для проведения учебных вскрытий, хотя рассечения тел проводились в госпитале и в судебно-медицинских целях. Генеральный регламент о госпи-

тах 1735 г. предписывал лекарям и ученикам медико-хирургических школ в Санкт-Петербурге и Москве проводить вскрытия трупов, устанавливать причины смерти, после чего отправлять тела для погребения [52. С. 679–680; 53. С. 52–53, 83, 94–95]. В ходе следствия об убийстве дворовой Пелагеи Петровой дочери коллегия сделала запрос в полицмейстерскую канцелярию, на основании каких распоряжений полиция проводила осмотры покойников, отправляла тела в госпиталь и в «убогий дом». Ответный рапорт сообщал, что Московская Сенатская контора указом от 20 мая 1736 г. предписала московской полиции отвозить «найденные мертвые тела, и брошенные, и подметные телеса» напрямую в госпиталь для освидетельствования, а затем требовать от врачей «верных ведомостей» [45. Л. 22–24 об.].

Соответственно, в декабре 1757 г. полиция отправила тело дворовой Анисьи в госпиталь и потребовала от врачей письменно сообщить, «от чего подлинно смерть приключилась» [11. Л. 213–214 об.]. Как объявил врач, тело покойницы сгнило на спине и по бокам (т.е. в местах побоев), а на ее желудке и печени была найдена «инфлимация». Московская полиция не стала проводить дальнейшего расследования, несмотря на полученные результаты экспертизы. Дворовый Салтычиха Алексей Савельев доставил тело Анисьи из госпиталя с полученным похоронным свидетельством, после чего Иван Иванов провел похороны [11. Л. 213–214 об.]. Сходным образом из дома на Кузнецком мосту полицейские 1-й команды отправили в госпиталь тело Анны Петровой дочери. Подлекарь Андриан Степанов отказался проводить рассечение, поскольку к тому времени труп уже сгнил, и мертвую возвратили обратно на съезжий двор. Полицейстерская канцелярия приказала 1-й команде отдать тело для погребения Ивану Иванову, которому предписали захоронить девушку и рапортовать об этом в московскую полицию и в духовную консисторию. Между тем на допросе в ходе коллежского следствия пастырь заявил, что не знает, где в конечном итоге была погребена Анна [11. Л. 223–231].

Дворовые Пелагея, Катерина и Дарья также были осмотрены полицейскими и врачами. Лекари московского госпиталя зафиксировали на телах 3 девушек следы насильственной смерти: ссадины, кровоподтеки, раны и повреждения внутренних органов («пятны, так, как бы от побои», «от побои наружные знаки», пробитие тела «почти до костей», «срастение крови», «много излияния крови густой», «антонов огонь» снаружи и внутри органов, «великое затвердение печенки»). Как выявила коллежская ревизия, полицейские проигнорировали результаты осмотров Пелагеи, Катерины и Дарьи. Каждую из них отправили для погребения в «убогий дом»⁴ (место хранения и захоронения умерших неестественной смертью в XVIII в.). Об этом следователям сообщили родители покойниц, которые продолжали жить в деревнях (они узнавали о смерти дочерей от московских дворовых) [11. Л. 218–237]. Дворовый Алексей Савельев сообщил в коллегии, что покойница Пелагея Петрова дочь была им отвезена из дома Салтычихи «в гошпиталь же, а из

онаго гошпиталя отвезена с письмом для похорон в убогой дом» [11. Л. 218 об.]. Итак, полицейские отказывались расследовать преступления Салтычихи, несмотря на результаты медицинских освидетельствований, которые говорили сами за себя. Вместе с тем, полиция отправила по меньшей мере три крепостных помещицы в «убогий дом» – место захоронения погибших насильственной смертью.

Весной 1762 г. дворянин Николай Андреевич Тютчев в Судном приказе подал явочную челобитную на вдову Салтыкову, а также на ее дворового Ермолая Ильина и ее крестьян Романа, Давыда и Семиона Ивановых. Как сообщал Тютчев, крепостные Салтыковой выехали за ним «нарядным делом, на четырех санях с дубьем» [11. Л. 291 об.]. Архивных материалов по этому делу в Судном приказе найти не удастся. Между тем, из «доношения» Мартынова и Ильина Екатерине II, а также из свидетельских показаний, собранных Юстиц-коллегией, становится ясно, что Салтыкова трижды пыталась убить Тютчева и его невесту Пелагею Панютину. Капитан Николай Тютчев был землемером и межевал земли по Калужскому тракту, где находились имения Салтыковой: село Троицкое и деревня Теплый стан. По свидетельствам крепостных, их барыня имела любовную связь с Тютчевым. На второй неделе Великого поста, т.е. в конце февраля 1762 г., дворянин перестал ездить к Дарье Николаевне. Тютчев «сговорил за себя» девицу П.Д. Панютину, соседку Салтыковой по имению. Узнав об этом, крепостница решила погубить жениха и невесту. Согласно выписке из московской канцелярии главной артиллерии и фортификации, еще 12–13 февраля, заблаговременно, служитель помещицы приобрел 5 фунтов пороха. После расставания с Тютчевым барыня докупила серы, смешала ее с порохом и завернула этот «горючий состав» в пеньку. Салтычиха приказывала сначала конюху Роману Иванову, а затем, на другой день, вместе с ним и дворовому Сергею Леонтьеву положить самодельное взрывное устройство под московский дом Панютиных. Усадьба, в которой тогда проживали помолвленные, находилась за Пречистенскими воротами «близ бывших Левшинских бань». Иванов и Леонтьев отказались подрывать дом, за что были наказаны помещицей [10. Л. 32 об.–33, 56–57 об.; 11. Л. 290–291 об.].

В тот же Великий пост Пелагея Панютина выехала по Калужскому тракту в Брянский уезд, где находилось имение Овстуг, принадлежавшее ее родителям. В одних санях с Прасковьей отправился Николай Тютчев, провожавший невесту. В это же время по приказу Дарьи Салтыковой дворовый Ермолай Ильин и вместе с ним 20 мужиков выехали из московской усадьбы на большую Калужскую дорогу. План был следующим: когда ночью помолвленные будут проезжать деревню Теплый стан, крепостные разбойники нагонят их в поле и убьют «дубьем». Крестьяне Троицкого и Теплого стана узнали о готовящейся засаде и предупредили Тютчева, когда он проезжал деревню. Капитан вернулся в Москву и подал челобитную в Судный приказ. В 1767 г. Юстиц-коллегия заключила, что «блудное житие» Дарьи Салтыковой с Николаем

Тютчевым не было доказано. В то же время явочная челобитная Тютчева и справка о покупке пороха доказывали участие барыни «в сих законопреступных страстях» [11. Л. 290–291 об., 371 об.–372; 12. С. 533–534; 33. С. 52–55; 56. С. 24–25]. Важно отметить, что после жалобы на бывшую любовницу в Судный приказ Тютчев перестал «ходить за делом». В апреле 1762 г. он стал мужем П.Д. Панютиной и поселился вместе с ней в селе Овстуг – именно здесь в 1803 г. родится поэт Федор Тютчев. Супруги занялись хозяйством и тяжбами с соседями, благодаря чему нажили более двух тысяч крестьянских душ [33. С. 52–55].

Во второй половине марта 1762 г. крепостные Иван и Владимир Шавкуновы, Семен Алексеев и Игнатий Угрюмов сбежали из села Троицкого и отправились в Москву. Помещица узнала об этом и послала за ними в погоню «человек с десять». Уходя от преследования, челобитчики «скорей добежали до будки, и у будки кричали караул» [9. Л. 3; 11. Л. 291 об.–292; 12. С. 534–535]. Крестьян взяли полицейские и отвели на съезжий двор, откуда 26 марта 1762 г. их отправили в Московскую полицмейстерскую канцелярию. В тот же день Салтычиха через служителя подала в полицию челобитную о краже беглыми крепостными одежды и денег. В полиции Иван Шавкунов объявил, что он имеет некоторое нужное дело донести самому Его Императорскому Величеству [9. Л. 2–3 об.]; крестьяне и дворовые потребовали отправить их в Московскую Сенатскую кантору.

Здесь следует отметить, что до 1762 г. политические доносы в России обозначались формулировкой «слово и дело государево». После объявления о «деле государевом» челобитнику требовалось сообщить о конкретных угрозах правителю, измене или бунте. Случай с крепостными Салтычихи был иным: согласно полицейскому допросу, они лишь хотели «донести на помещицу свою об учиненном ею смертном убийстве» [9. Л. 2–3 об.]. «Недоведение» извета о политических преступлениях в первой половине XVIII в. вело к суровому наказанию изветчика. Шавкунов с товарищами избавились от взыскания только благодаря недавно вышедшему указу Петра III от 21 февраля 1762 г. о закрытии Тайной канцелярии и запрете выражения «слово и дело». 5-й раздел акта предписывал отпускать челобитчиков без наказания и отправлять их в другие инстанции, если выяснится, что им нечего сообщить о двух «пунктах» государственных преступлений: во-первых – о здравии, персоне и чести государя, во-вторых – о бунте и измене [57; 58. С. 123–124, 320–324, 686–687].

Полицейская документация и показания крепостных содержат два различающихся нарратива о дальнейших событиях. Согласно полицейской резолюции, Шавкунову со товарищи объявили, что им необходимо жаловаться в Юстиц-коллегию, а до тех пор – отправляться в дом помещицы «с роспискою». Возвращаясь к «душегубице» челобитчики отказались и повторно объявили на съезде двора, что «имеют за собой секрет иной до Сенатской канторы и до Его Императорского Величества» [9. Л. 3–3 об., 5]. Тогда крепостных возвратили в полицмейстерскую канце-

лярию. По силе указа от 21 февраля «доносителей» о государственных преступлениях посадили под крепкий караул без пищи и воды на два дня, чтобы дать «все сие время на размышление», и только затем их отправили в Сенатскую кантору [9. Л. 3–3 об., 5]. Согласно петиции Мартынова и Ильина и показанию Алексея Савельева, на Страстной неделе, когда не работали государственные учреждения, солдаты съезжего двора 1-й команды объявили Шавкунову со товарищи, что отведут их в Сенатскую кантору, но затем обманным образом доставили к дому Салтычихи. Завидев усадьбу помещицы, крепостные трижды объявили за собой «дело государево», после чего солдаты были вынуждены отвести их обратно на съезжий двор. Салтыкова пыталась вернуть своих крепостных с помощью передачи взятки «присутствующему» в московской полиции советнику А.И. Молчанову. Несмотря на это, после Пасхи крепостных доставили в Московскую полицмейстерскую канцелярию, а 23 апреля – в Сенатскую кантору [11. Л. 291 об.–300 об.].

22 апреля 1762 г. на крыльцо Московской Сенатской канторы непосредственно из сретенской усадьбы пришел дворовый Мелентий Некрасов. Он объявил за собой «государево слово и дело» и был допрошен вместе с группой Ивана Шавкунова [9. Л. 2]. 23 апреля на съезжий двор был приведен другой крепостной Салтыковой, Артемий Тарнахин: его привел церковный староста как подозреваемого в краже из храма на Лазаревском кладбище. Затем Тарнахина отправили в полицмейстерскую канцелярию, где он объявил за собой «государев секрет по первому пункту». Крепостной использовал ту же «политическую» стратегию, что и его предшественники. Уже 3 мая Тарнахин был доставлен в Сенатскую кантору [9. Л. 2, 4–5 об.]. Допросы в Сенате братьев Шавкуновых, Алексеева, Угрюмова, Некрасова и Тарнахина показали, что в действительности крепостные не намеревались сообщать о государственных преступлениях; они заявили об убийствах «жонок» и «девок», совершенных Салтыковой. 14 мая все шесть челобитчиков были отосланы в Сыскной приказ, где они содержались вплоть до октября 1762 г., когда дело было передано в Юстиц-коллегию; по всей видимости, в течении полугода следствие не проводилось [9. Л. 6 об.–20 об.; 41. Л. 7 об.].

6 мая 1762 г. в Московскую губернскую канцелярию из Клинской воеводской канцелярии были присланы пойманные в Клину крестьяне деревни Телячково Василий Цыганов, Иван Борисов и Петр Бараков, которые не имели «о пропуске видов»⁵. Крестьяне были отправлены в Санкт-Петербург для подачи императору Петру III письменного «доношения» от имени всей вотчины Телячково о преступлениях Дарьи Салтыковой. В воеводской и губернской канцеляриях задержанные сообщили, что помещица избила или заморозила до смерти 18 крестьянок из их имения. После передачи дела в Москву следствие остановилось. Согласно ревизии, проведенной Юстиц-коллегией, чиновники губернской канцелярии подготовили выписки из указов, относящихся к делу, но так и не допросили челобитчиков о «крепких доводах и свидетельстве». В 1766 г.

секретарь Иван Загорский, в «экспедиции» которого находилось производство, объяснял прекращение расследования крайней загруженностью отдела: в 1762 г. в ведомстве Загорского находилось более 800 дел. Отвечая на запрос Юстиц-коллегии, чиновник также оправдывался занятостью по делам, связанным со строительством и ремонтом в Москве в преддверии коронации Екатерины II [42. Л. 1–1 об., 8–8 об.].

17 мая 1762 г. уже сама Дарья Салтыкова подала челобитную в Московскую губернскую канцелярию о волнениях в ее подмосковных имениях Вокшино и Телячково, после чего в селения была отправлена военная команда. 19 июля в канцелярию были привезены староста Кузьма Иванов и 13 крестьян. Подневольные люди подтвердили, что отказывались повиноваться барыне и присылать ей доходы с вотчин. Они объявили, что Салтыкова лишила жизни старосту деревни Телячково Никифора Григорьева и 20 крестьянских дочерей. Как и в случае производства по жалобе Василия Цыганова, дело осталось нерешенным и было отослано в Юстиц-коллегию уже в октябре 1762 г. [42. Л. 1–1 об., 8–8 об.].

22 июля 1762 г. от команды Сысного приказа в Московскую губернскую канцелярию были присланы трое крепостных Салтыковой с мертвым телом Феклы Герасимовой дочери. Труп девушки был осмотрен врачом. Пришедший староста села Троицкого Иван Михайлов показал, что Феклу, еще живую, привезли из московского дома Салтыковой в Троицкое, где она успела рассказать о побоях. В это же время Никита Шестаков показал, что Салтыкова забила до смерти обеих его жен (Матрену Иванову дочь и Устинью Никитину), а Дарья Аврамова сообщила, что помещица лишила жизни всех трех жен Ермолая Ильина (сына Дарьи): Катерину Семенову, Федосью Артамонову и Аксиною Яковлеву [42. Л. 1 об.–2]. 26 июля 1762 г. от команды Сысного приказа в Московскую губернскую канцелярию были присланы крепостные Ирина Ануфриева дочь и Василий Фомин. Ирина рассказала, что Дарья Салтыкова убила 21 человека. Расследования этих дел, сходным образом, не проводилось, и они были отправлены в Юстиц-коллегию в октябре [42. Л. 2].

Тем временем 17 июля 1762 г. Д.Н. Салтыкова пожаловалась в губернскую канцелярию на непослушание крепостных села Бегичево. 9 августа в канцелярию были приведены шесть крестьян этого селения, которые показали, что староста Иван Осипов отправил их с сеном помещицы на шести подводах в Москву; сено предназначалось родственнику старосты, поручику Василию Иванову, чтобы он «за них имел старание». Тогда же в августе в канцелярию были взяты 23 крепостных села Вокшино и деревни Телячково, которые обвинили свою помещицу в убийстве 21 крестьянина (очевидно, Кузьма Иванов и Ирина Ануфриева дочь ранее сообщали о той же 21 жертве) [42. Л. 2–2 об.]. Как и в других случаях, после допросов крепостных следствие остановилось; иных упоминаний об участии в деле офицера Василя Иванова не сохранилось.

Весной-летом 1762 г. в Юстиц-коллегию обратился с жалобой дворовый села Бегичево Василий Антонов, после чего в учреждении допросили и других крепостных [61. Л. 139]. Здесь следует отметить, что в 1767 г. коллегия и Сенат признали Василия виновным в «ложном неосновательном на помещицу свою доносе» об убийстве Ирины Алексеевой дочери и других, поскольку свидетели не смогли подтвердить показания Василия [11. Л. 381, 405 об.]. 2 октября 1768 г. в своей конфирмации на сенатский доклад императрица дала распоряжение рассмотреть, состоит ли вина Антонова в чем-либо ином, и если не виновна – освободить дворового, пусть даже он «не доказал против такой убицы, которая уже и бес той несколько душ погубила» [11. Л. 405 об.–406].

В июле 1762 г. со съезжего двора в Московскую полицмейстерскую канцелярию были отосланы крепостные Федор Сергеев, Давыд Иванов и Роман Иванов, представившиеся жителями селений Бегичево и Вокшино, принадлежавшие некоему поручику В.В. Думному. На допросе они объявили, что между Думным и Салтыковой якобы шел спор за эти имения. Федор Сергеев сообщил, что Салтычиха убила его дочь Марию. Крепостной сообщил, что в Юстиц-коллегии, после жалобы дворового Василия Антонова, началось расследование. Братья Ивановы уже два месяца скрывались от дачи свидетельств по этому делу, и Федор решил объявить о них в полицию. Давыд и Роман были конюхами Салтычихи, они отвозили по приказу барыни искалеченных ею девушек в Троицкое для захоронения. Однако после начала следствия, по словам Романа, братья испугались, что на них «ссылка будет», и поэтому сбежали из усадьбы на Кузнецком мосту. 29 июля Д.Н. Салтыковой стало известно о приводе ее крепостных в полицию. В начале августа барыня подала челобитную, в которой сообщила о волнениях в имениях Вокшино, Бегичево и Телячково. Помещица потребовала, чтобы полицмейстерская канцелярия расспросила Сергеева и Ивановых о побеге из вотчины, об их участии в крестьянских волнениях, а также о личности Думного. Несмотря на обвинения со стороны помещицы, 13 августа крепостных передали в Юстиц-коллегию для дачи показаний об убийствах [61. Л. 139–142]. У подмосковных крепостных Дарьи Салтыковой, кажется, не было оснований обвинять помещицу в незаконном их закрепощении. Тяжбу Салтыковой и Думного, как представляется, могли выдумать специально, чтобы создать легальный повод для начала следствия.

24 апреля 1762 г., вскоре после побега Некрасова и Тарнахина, из московского дома Салтычихи бежали дворовые Савелий Мартынов и Ермолай Ильин. Следующие месяцы крепостные скрывались в подмосковных селениях помещицы Вокшино, Бегичево и Телячково. Как утверждала Салтыкова в своей челобитной на Высочайшее имя, Мартынов и Ильин привели в непослушание крепостных трех селений, в которых имелось 400 душ мужского пола (т.е. около 800 человек). По меньшей мере с мая 1762 г. по октябрь 1763 г. жители Вокшино, Бегичево и Телячково не отправляли «душегубице» платежей [10. Л. 87–88].

Наконец, в июле 1762 г. Мартынов и Ильин добрались до Санкт-Петербурга, где подали жалобу новой императрице Екатерине II. По всей видимости, прошение составил Савелий Мартынов, который был грамотным и вел тетрадь расходов Салтыковой. В своей жалобе крепостные сообщили, что с 1756 г. Дарья Салтыкова погубила «душ со сто» крепостных. Дворовые просили монархиню защитить их от истязаний, распорядиться о расследовании дела и наказании помещицы «по указам» [10. Л. 29–31, 39 об.; 11. Л. 293 об.–294; 298; 28. С. 38–39; 62. Л. 1–1 об.]. Екатерина Алексеевна распорядилась исследовать это дело, и 1 октября 1762 г. в Юстиц-коллегию из Правительствующего Сената был прислан императорский указ вместе с челобитчиками. Сенат предписал московской коллегии собрать свидетелей, названных в челобитной Мартынова и Ильина, расследовать дело и вынести решение. Если Юстиц-коллегия не сможет вынести приговор по делу самостоятельно, учреждению предписывалось отправить в Сенат «экстракт» вместе с выпиской из указов и «мнением». Уже в начале октября коллегия разослала в московские учреждения указы, которыми потребовала прислать «надлежащие описи» дел о преступлениях Д.Н. Салтыковой, а также проходивших по ним крепостных [10. Л. 29–38; 41. 1–1 об.] То, что императрица с 9 сентября 1762 г. по 14 июня 1763 г. находилась в Москве [63. С. 137], определенно могло способствовать началу централизованного расследования.

В ноябре-декабре 1762 г. в Москве Мартынов и Ильин обратились к императрице вторично и пожаловались, что московская полиция и Сыскной приказ за взятки скрывали убийства Салтыковой. Жалоба была принята графом К.Г. Разумовским, после чего передана генерал-прокурору Сената А.И. Глебову. Челобитчики просили истребовать у Глебова дело «по причине знакомства его с помещицею». В феврале 1763 г. Сенат приказал полиции публично высечь дворовых плетью за то, что они обращались к императрице напрямую, а также потому, что следствие по делу уже велось в Юстиц-коллегии. [13. С. 226, 371–372; 64. Л. 319, 386–386 об.]. Следует отметить, что российское законодательство предусматривало наказания за обращение к монарху при личной встрече, а также в обход надлежащих присутственных мест. В отличие от контр-адмирала Д. Эльфинстона [65. С. 529–533] и отдельных представителей элиты, дворовые Салтычихи не избежали взыскания за подачу прошения императрице.

В начале декабря 1762 г. императрице вручили челобитную и от имени раннее упомянутого старосты Кузьмы Иванова со товарищи (всего от 40 крепостных Салтыковой!), которые находились под арестом в Юстиц-коллегии. Как утверждали просители, коллегия до сих пор не допросила Дарью Салтыкову под предлогом ее болезни, тогда как на самом деле помещица была здорова и продолжала истязать своих крепостных. Тем временем челобитчики не получали даже «кормовых денег», положенных людям, содержащимся под стражей. В феврале 1762 г. Сенат пред-

писал коллегии скорее «учинить надлежащее рассмотрение и определение» по начатому делу [13. С. 225–226; 64. Л. 29 об., 33].

7 марта 1763 г. крепостные Салтычихи, находившиеся под следствием в Юстиц-коллегии, подали новую петицию на высочайшее имя: ходатаи Савелий Мартынов и Ермолай Ильин отнесли ее в императорскую канцелярию. Поскольку служители «душегубицы» содержались в коллегии под караулом, они не имели возможности «ходить за делом» и прошение «пропало» [62. Л. 3 об.]. Тогда 8 мая 1763 г. служители Мартынов и Ильин «с товарищи тридцать восемь человек» подали на имя Екатерины II новую жалобу. Составители челобитной (ее оригинал хранится в РГАДА) представились людьми «конной гвардии умершего ротмистра Глеба Алексеева сына Салтыкова»⁶ [62. Л. 1]. Колодники писали, что вопреки императорскому указу Дарья Салтыкова так и не была доставлена в коллегия и допрошена. Начиная с 9 октября 1762 г. крепостница содержалась под домашним арестом, однако в своем доме она продолжала устраивать девушкам «кровопролитные мучительские смертные губительствы» [62. Л. 2]. С ноября по май караульные, состоявшие при доме Салтыковой на Кузнецком мосту, представили в Юстиц-коллегию шесть рапортов о побоях и пытках со стороны помещицы. Крепостные привели в челобитной краткое содержание всех рапортов и в том числе упомянули о самоубийствах⁷, причиной которых стала «душегубица». В ноябре-декабре 1762 г. Дарья Николаевна заставляла дворовых жить в неотапливаемых покоях, каждый день мыть пол и «всякое платье» при открытых окнах. Не выдержав пыток голодом и холодом, Марина Федорова, Анна Родионова и Устинья Прокофьева «от нестерпимого мучения принуждены были себя предать смерти»⁸ [62. Л. 2 об.]. Между тем, в декабре и январе три советника, секретарь и канцелярист Юстиц-коллегии посещали дом помещицы, как предполагали крепостные Салтыковой, для ее «неправового оправдания». В заключении своей жалобы Мартынов и Ильин со товарищи «слезно просили» Екатерину II о скорейшем решении дела, об освобождении их из-под караула, где они «безвинно» содержались около года, а также о защите от «от нея и от наследников ее Салтыковой» [62. Л. 2, 4–4 об.].

Подведу предварительные итоги. В ходе исследования были выявлены 20 жалоб⁹ за 1757–1763 гг., в которых Д.Н. Салтыкова обвинялась в побоях, пытках, убийствах и покушениях на убийства. Из них 17 устных и письменных жалоб подали крепостные помещицы, две – приходской священник Иван Иванов, и одну – дворянин Николай Тютчев. Согласно подсчетам, более 60 человек выступили в качестве обвинителей по делу (учитывая коллективные жалобы, а также показания участников волнений в имениях Салтычихи). Челобитчики обращались в Московскую губернскую канцелярию, в Московскую полицмейстерскую канцелярию, в Московскую духовную консисторию, в Сыскной приказ, в Клинскую воеводскую канцелярию, в Судный приказ, в Юстиц-коллегию, в Московскую Сенатскую контуру, а также

к императрице Екатерине II. На съезде двора, в губернской канцелярии и в госпитале были осмотрены пять тел изувеченных дворовых, привезенных из дома Салтыковой на Кузнецком мосту, а также тела Хрисанфа Андреева и Феклы Герасимовой дочери. Уже в период домашнего ареста Дарья Салтыкова продолжала истязать крепостных девушек, о чем приставленные к ней караульные сообщали в рапортах.

Петиционное движение против «душегубицы» можно разделить на три этапа. В 1757–1760 гг. крепостные, а также священник Иван Иванов обратились с пятью «доношениями» о преступлениях помещицы. Дела, инициированные по жалобам крепостных и священника, осмотры трупов, привозимых из московского дома Салтычихи, оканчивались безрезультатно. В марте–августе 1762 г. в московских учреждениях на Дарью Салтыкову подали 10 «доношений». Дела, инициированные на этом втором по счету этапе после допросов челобитчиков и отдельных свидетелей были фактически остановлены. Салтычиха оставалась на воле и продолжала убивать: в июне–июле 1762 г. в Москве и Троицком она замучила до смерти девочек Марью, Феклу, Прасковью, Аксицию, Авдотью и Авдотью [11. Л. 260 об.–264]. Положительным изменением весны–лета можно считать то, что чиновники перестали отдавать крепостных челобитчиков обратно в дом помещицы, как это происходило ранее: просителей содержали под караулом в московских канцеляриях. Жалобы и показания, полученные с 1757 г., легли в основу последующего обвинения Салтыковой. Летом 1762 г. – весной 1763 гг., на третьем этапе, крепостные пять раз обращались с челобитными к Екатерине II. В результате этих обращений уже в октябре 1762 г. Дарья Салтыкова была посажена под домашний арест, а все челобитчики, свидетели и делопроизводственные материалы были переданы в Юстиц-коллегию. Крепостные Салтычихи продолжали обращаться с жалобами к императрице вплоть до мая 1763 г., добиваясь допроса барыни, быстрого решения дела, более мягкого содержания для себя и более строгого – для помещицы. Таким образом, жалобы крестьян и дворовых «душегубицы», в особенности обращения Савелия Мартынова и Ермолая Ильина к Екатерине II, имели ключевое значение для активизации расследования.

С 1762 по 1765 г. около 40 крепостных Дарьи Салтыковой содержались под караулом в стенах Юстиц-коллегии. Тем временем помещица продолжала бить и пытать людей в своем московском доме, несмотря на приставленный к ней караул. Мартынов и Ильин от имени подследственных сообщали Екатерине II, что челобитчиков содержат «безвинно в притеснении». Как утверждали крепостные, их помещица до сих пор «смертные губительствы чинит», причем, «видя себе такое послабление, явную поноворку, уграживает, что егда мы именованные отданы будем по решению того дела паки ей во владение, то де и жили все из нас [вы]тянут» [10. Л. 118 об.; 62. Л. 2–4 об.]. В 1765 г. 6-й департамент Сената в ответ на составленные коллегией «экстракт» и «мнение» потребовал от Юстиц-коллегии проследить, «дабы

никаких не порядков в доме ее не происходило, ибо и прежние ее поступки видно произошли от слабого под караулом ее содержания; а естества в содержании ее слабости не было, то б того и последовать не могло» [10. Л. 125 об.–126].

В 1763 г. Дарью Салтыкову допросили по каждому пункту из жалобы Мартынова и Ильина, она отрицала свою виновность или, говоря языком того времени, «запиралась». Помещица сообщала о легких наказаниях, которые получали «девки» и «жонки» за свои проступки, заявляла о гибели крепостных по причине болезни или о побегах, но в упор отказывалась признавать свою причастность к убийствам. В октябре 1763 г. арестантка отправила челобитную на имя Екатерины II, в которой попросила императрицу наказать «возмутителей», затеявших против нее «разные невинности напрасно» [10. Л. 87–88] (о том, ответила ли правительница на жалобу, источники умалчивают). Тем временем судьи Юстиц-коллегии собрали показания крепостных и отправили «экстракт» и «мнение» о деле в 6-й департамент Сената. Как и в коллегии, в Сенате определили, что помещица может быть приведена к пытке, поскольку «в убийствах оказывается подозрительною» [10. С. 79].

24 декабря 1763 г., ознакомившись с докладом, Екатерина II приказала объявить Салтыковой о пытке в случае, если она по увещанию священника не признается сама (черновые проекты этого указа составляли статс-секретарь И.П. Елагин и сенатор Я.П. Шаховский). Однако месячное пребывание священника в доме помещицы не убедило ее признаться, равно как и пытка преступника, которую продемонстрировали Салтыковой в застенке Московской розыскной экспедиции [10. С. 98–101 об., 107–109 об.; 67. С. 311–312]. Тогда 3 мая 1764 г. императрица повелела следствию учесть в качестве доказательств свидетельства и повальный обыск, «не чиня ни людям, ни ей [Салтыковой] пыток». В Москве и Троицком опросили соседей помещицы. В 1766 г. в Юстиц-коллегию были присланы «сказки» (свидетельства) крепостных, проживавших в селениях Московской, Калужской, Вологодской и Костромской губерний, откуда барыня вывозила крестьянских девушек [10. Л. 112–126, 132–133 об., 151 об.–153, 163–163 об.; 12. С. 502–505; 27. С. 33–37]. В феврале 1767 г. Юстиц-коллегия в своем «мнении» признала Дарью Салтыкову виновной в истязании 45 крепостных, умерших «от бесчеловечных ее побоев, и почти в христианстве неслыханных мучительств» [11. Л. 380], а также в покушении на дворян – Пелагею Панютину и Николая Тютчева. По мнению коллегии, Салтыкова заслуживала смертной казни путем отсечения головы и колесования, а ее помощники – ссылки на каторгу [11. Л. 380–381 об.]. На основании коллежских документов Сенат подготовил для императрицы доклад, в котором предложил отправить помещицу на каторгу, поскольку смертная казнь перестала применяться в 1754 г. [11. Л. 394–394 об.].

По рассмотрении дела Екатерина II предписала провести гражданскую казнь Дарьи Салтыковой на Красной площади, после чего отправить ее на пожиз-

ненное заключение в монастырь, посадив в «нарочно сделанную подземельную тюрьму». 17 октября 1768 г. полиция подготовила эшафот, а также развеси́ла о грядущем событии объявления «в пристойных местах» города, отправила повестки «по знатым домам». Назавтра состоялась казнь «мучительницы и душегубицы»: в 10 часов утра она была привезена в телеге на главную площадь и поставлена на час к елевому столбу [11. 400–411 об., 437–438; 68. Л. 213, 235, 251 об.–252, 267–267 об.]. По свидетельству очевидца, «почти ни одного места не осталось на всех лавочках, на площади, крышах, где бы людей не было, а карет и других возков, – несказанное множество, так что многих передавили, и карет переломали довольно» [20. С. 94–95]. Именья Дарьи Салтыковой были оставлены «за ее несчастными детьми». Священник Степан Петров, помогавший Салтыковой хоронить крепостных, был лишен сана и сослан в Нерчинск. На каторгу в Нерчинск также были отправлены крепостные Дарьи Салтыковой, которые по приказу барыни истязали девушек, хоронили тела, лжесвидетельствовали в судах: староста Иван Михайлов, а также поверенный в делах барыни Мартыян Зотов, дворовый Ермолай Ильин, крестьяне Роман Иванов, Акси́нья Степанова и Васили́са Матвеева (Давы́д Иванов, упомянутый в сенатском докладе, не дожил до исполнения приговора). Помогавший убийце актуари́ус Сы́сского приказа Иван Пафну́тьев в день казни был лишен офицерского чина; ему была запрещена какая-либо служба. Дворовый Васи́лий Антонов в исполнение указа Екатерины II был помилован, несмотря на «недоказательство» крестьянином пяти сообщений об убийствах девушек, которых по приказу помещицы вывезли из села Бегичево. Крепостного отправили к полковнику Псищеву, который был назначен опекуном над именьями лишенной дворянства Дарьи Николаевой дочери (он сменил сенатора Сабурова, который был опекуном во время следствия). Псищеву поручили описать и «сохранить» именья Салтыковой для последующей передачи в наследство ее детям, Николаю и Федору [11. Л. 400–411 об., 419–420, 426–438; 12. С. 497–499, 542–549].

В ноябре 1768 г. решение Екатерины II по делу Салтычихи было объявлено «во всенародное известие». Печатные копии указа были разосланы из московских департаментов Сената в центральные, губернские и провинциальные учреждения в количестве 4 577 экземпляров, их предписывалось публиковать «во всем государстве». Указ сообщал, что императрица освободила вдову Дарью Николаеву дочь от смертной казни и установила для нее особое наказание, предусматривавшее лишение фамилии и дворянства, пожизненное заключение в Ивановском девичьем монастыре. Постановление было обращено к российским подданным всех состояний. Примечательно, что указ упоминал о ссылке на каторгу «попа» и крепостных помещицы, но умалчивал о наказании дворянина Ивана Пафну́тьева [11. Л. 437, 448–460; 15; 69. С. 100–100 об.].

Почему же только в 1763 г. был проведен допрос Дарьи Салтыковой и началось полноценное расследо-

вание дела, почему только в 1765 г. «душегубица» была признана виновной? Для ответа на эти вопросы потребуются проанализировать законодательство и судебную практику по делам о жестоком обращении с крепостными, а также записки современника помещицы А.Т. Болотова. Широкое объяснение, распадающееся на три части, поможет понять, почему следствие по делу «кровавой барыни» началось именно тогда, когда это произошло в действительности, и могло ли оно начаться раньше.

Во-первых, крепостные в Российской империи, как отмечал еще А.Н. Радищев, были «мертвы в законе». В XVIII в. продолжала действовать норма 13-го пункта 2-й главы Соборного уложения, согласно которой показания крепостных против помещиков принимались в качестве доказательств исключительно при рассмотрении «великих дел», т.е. государственных преступлений. Руководствуясь этой нормой, присутственные места не учитывали показания крепостных в случаях, когда помещики обвинялись в совершении убийств, пыток и сексуального насилия. Хотя суды принимали челобитные крепостных о незаконном закрепощении и преступлениях против религии, попытки крепостных обвинять помещиков в злоупотреблениях, как показали П.К. Алефиренко и М.Ф. Прохоров, оканчивались безрезультатно [31. С. 126–127; 49. С. 62–63, 103–104, 165–173; 70. С. 135, 148, 303, 312–313, 389; 71. С. 73; 72. С. 11, 62, 68; 73. С. 1294–1295]. На уровне судебной практики государство защищало полную юрисдикцию помещиков над своей «крещеной собственностью». Дарья Салтыкова знала современные реалии и вместе с тем поддерживала контакты с московскими чиновниками.

Казус Салтычихи выделяется среди других дел о крепостническом насилии, поскольку впервые помещица была подвергнута аресту и наказанию именно на основании показаний подневольных ей людей. Тем не менее нельзя забывать, что еще в 1765 г. Юстиц-коллегия «оставила в недоверенности» около двух десятков жалоб и сотни свидетельских показаний крепостных, руководствуясь «силою уложенного 2-й главы 13-го пункта» 1649 г. Вина помещицы устанавливалась на основании «достоверных свидетельств», в число которых входили «доношения» священника Ивана Иванова и результаты судебно-медицинской экспертизы. Поскольку Дарья Салтыкова отказывалась от чистосердечного признания, Юстиц-коллегия смогла обвинить ее исключительно в убийстве пяти девушек. Поворот в деле произошел после ревизии коллежских «экстракта» и «мнения» в Сенатском департаменте. Сенатские чиновники нашли упущения в следственном производстве и напомнили коллегии об императорском указе 1 октября 1762 г.: распоряжение предписывало собрать всех крепостных, бывших свидетелями или соучастниками убийств, и «накрепчайше исследовать» преступления. Только в сентябре 1765 г., в рамках отдельного казуса, свидетельства крепостных были признаны доказательствами в деле о помещицкой жестокости [10. Л. 118–126; 11. Л. 380–381 об.]. Очевидно, что решение следователей, противоречащее норме Соборного уложения, было про-

диктовано волей Екатерины II. Императрица направляла следствие по делу Д.Н. Салтыковой в нужное русло с помощью шести отдельных указов и трех подтверждений на доклады Сената. Салтычиха была признана виновной в совершении 45 убийств и присуждена к пожизненному заключению благодаря тому, что императрица и Сенат взяли дело под особый контроль.

Во-вторых, позднее начало расследования можно объяснить малой инициативой самих крепостных, которые не использовали все имеющиеся возможности для «легальной» борьбы с «душегубицей». Попробуем установить, что еще могли предпринять дворовые и крестьяне Салтычихи с 1757 по начало 1762 г., когда они подали «всего лишь» четыре жалобы, и что мешало инициированию дела в этот период. После неудачи, постигшей Василису Нефедьеву дочь и первых ходатаев, у крепостных могла возникнуть мысль о тщетности всяких попыток выступить против своей богатой и родовитой помещицы. Вдова Салтыкова вселяла в невольников пораженческие настроения, говоря им следующее: «Ты хотя и в донос пойдешь, только ничего не сыщешь, разве хочешь, как и прежние доносители, кнутом [быть] высечен» [12. С. 506–507]; «Сколько вам ни доносить, мне они все ничего не сделают и меня на вас не променяют» [12. С. 498–499]. Такие же аргументы в начале 1760-х гг. использовал статс-секретарь Г.Н. Теплов, когда пытался уговорить дворовых не обвинять его в мужеложестве [49. С. 169–170]. Вероятно, многие помещики использовали эти аргументы, чтобы отвести будущих подателей жалоб. На пути крепостных челобитчиков, однако, были и другие препятствия, такие как нехватка средств на дорогу и строгий помещичий надзор [70. С. 135; 73. С. 1300–1301]. Можно также предположить, что вдова Салтыкова в 1750-х гг. отправляла за «доносителями» погоню подобно той, от которой в 1762 г. спасались Иван Шавкунов со товарищи. В мемуарах А.Т. Болотова встречается сходный случай преследования крестьянского ходака. В 1775 г. сам мемуарист и его начальник Сергей Васильевич Гагарин, которым было поручено управление волостями Екатерины II, при помощи солдата и полицейских поймали в Москве дворцового крестьянина Романа, который собирался пожаловаться на Болотова и Гагарина самой императрице. У Романа забрали челобитную, бережно хранимую им за пазухой, а затем сослали крестьянина на поселение в Сибирь [3. Стб. 499–500].

В этом контексте, во имя высшей цели, ходатаи в теории могли бы возвести на Салтычиху ложные обвинения по «слову и делу государеву» либо обвинить ее в колдовстве, богохульстве и еретичестве. В середине XVIII в. такие изветы продолжали рассматриваться государственной властью: сохранились десятки следственных дел, инициированных по «доносам» крепостных, сообщавших о преступлениях своих владельцев против веры и государства. Как правило, по окончании розыскного процесса подобные жалобы признавались ложными. В ряде случаев челобитчики дополняли основные обвинения, будь то «политические» или «колдовские», жалобами на убийства, пытки и сексуальное

насилие. Судьи могли расследовать такие обвинения, пусть даже основной извет оказывался ложным [58. С. 158–162, 189–199; 74. С. 152–171].

Рассмотрим следующий казус. В 1755 г. на Шелеговском форпосте, после того как смоленский шляхтич Иван Милашевич вместе со свитой вернулся из Речи Посполитой, его крепостной Дмитрий Фомин сказал за собой «слово и дело». Фомин обвинил Милошевича в государственной измене: тот якобы вел крамольные переписку и разговоры со своей сестрой Ираклией и знакомыми, проживавшими в Польше. Судьи признали извет ложным и приговорили крепостного к ссылке на поселение. Прежде исполнения приговора, однако, Дмитрия отправили в Смоленскую губернскую канцелярию для расследования по другим объявленным им пунктам: об убийстве Милашевичем крепостного Петра Иванова, а также о «корчемстве» (незаконном производстве и продаже спиртного) [75. Л. 47–62 об., 241–243]. Сходным образом люди Салтычихи могли пойти на ложный донос, чтобы обратить внимание столичных властей на изуверства барыни. Так или иначе, жители России 1750-х гг. понимали, что изветчиков, ложно объявлявших «слово и дело», отправляли на каторгу.

С другой стороны, несмотря на законодательный запрет, крепостные Салтычихи могли попробовать лично обратиться к императору. Известно, что в 1760 г. Елизавета Петровна приняла устную жалобу крепостной Домны Антоновой дочери, сообщившей, что помещик Иван Денисов после смерти жены «склонял ее к непотребству» и «бил жестокими побоями». После допроса в императорском Кабинете «девка» была определена в столичную богадельню с назначением ей ежедневного содержания [76. Л. 73 об.–75 об.]. Сходным образом Петр III мог встать на сторону упомянутых Василия Цыганова со товарищи, если бы в мае 1762 г. крепостные Салтычихи не были пойманы и отведены в Клинскую воеводскую канцелярию. Добиться начала следствия подневольному люду удалось только с началом царствования Екатерины II. В 1762–1767 гг. канцелярия императрицы приняла к рассмотрению десятки челобитных крестьян и дворовых против своих владельцев. Люди Дарьи Салтыковой подавали обращения «на высочайшее имя» в наиболее благоприятный для этого период. После выхода указа 22 августа 1767 г. и вплоть до губернской реформы императрица и суды прекратили принимать жалобы крепостных на злоупотребления помещиков, тогда как после 1775 г. рассматривались лишь отдельные петиции. Следующий всплеск подачи крепостными обращений «на высочайшее имя» пришелся на правление императора Павла I [73. С. 1294–1295]. Согласно моим подсчетам, в 1796–1797 гг. канцелярия императора приняла в работу, по крайней мере, 140 жалоб подневольных людей на своих владельцев.

В-третьих, моральную вину в сокрытии преступлений Дарьи Салтыковой разделяли чиновники московских учреждений, соседи помещицы по ее именам и шире – представители губернской дворянской корпорации. Дарья Салтыкова годами уклонялась от

следствия, в том числе благодаря коррупции и знакомству с чиновниками. По свидетельствам крепостных, дворянка передавала взятки советнику Московской полицмейстерской канцелярии Андрею Ивановичу Молчанову, копиисту Канцелярии тайных и розыскных дел Ивану Никитичу Ярову, советникам Сысского приказа Льву Матвеевичу Вельяминову-Зернову и Петру Михайловскому, служащим в Сысском приказе прокурору Федору Хвоцинскому и актуариусу Ивану Пафнутьеву. Среди упомянутых лиц только Пафнутьев был подвергнут наказанию [10. Л. 153–154 об., 165–173 об.; 11. Л. 372–381 об., 437 об.–438; 12. С. 505, 535–540].

С другой стороны, как открылось в 1764 г. в ходе повального обыска, 2 священника, солдат и 18 крепостных, проживавших в Москве, знали об истязаниях или видели их лично. В окрестностях Троицкого следователя коллегии нашел значительно больше людей, которые знали о крепостническом насилии: священник, дьячок, 135 экономических крестьян и 22 помещичьих крестьянина. Вероятно, многие из 180 соседей Дарьи Салтыковой имели возможность сообщить о ее преступлениях местным властям или лично подать челобитную в судебном учреждении. Соседи барыни могли поступить подобно дворовому поручика Е.З. Яковлева Прохору Попову, а также крестьянке помещицы М.Л. Толмачевой Агафье Басовой, которые в 1749–1751 гг. подавали жалобы в Белгородскую губернскую канцелярию об убийстве помещицей М.М. Шумаковой своей крепостной «жонки» Ксении Максимовой дочери. В этом кейсе Прохор и Ксения не остались в стороне, но сообщили о преступлениях Шумаковой (хотя по результатам следствия помещица была признана невиновной) [12. С. 502–504; 28. С. 40–41; 77. Л. 1–2; 78. Л. 1–3 об.]. Особую роль в инициировании дела Салтычихи мог сыграть ее бывший сосед и любовник, жертва трех покушений, офицер Николай Тютчев. После челобитья в Судном приказе весной 1762 г. Николай уехал в брянское имение своей невесты Прасковьи Панютиной [33. С. 52–55]. Между тем Тютчев оказал бы существенную помощь крепостным, если бы продолжил тяжбу с Салтыковой, тем более что барыня представляла меньшую опасность после ее заключения под домашний арест.

О равнодушии к страданиям крепостных, которое испытывали люди, проживавшие с ними по соседству,

можно узнать из записок А.Т. Болотова. Мемуарист упоминает о своем соседе по Каширскому уезду, который около 1769 г. заставил свою крепостную плести кружева под караулом, «в стуле, кандалах и рогатке», после чего девушка зарезалась. По словам Болотова, виновная «дворянская фамилия» осталась безнаказанной, поскольку «дело сие было скрыто и концы с концами очень удачно сведены» [2. Стб. 745–746]. Семья Болотовых прервала контакты с убийцами, преступление которых сделало «пятно всему дворянскому корпусу» уезда. Каширские дворяне отнеслись к извергам с пренебрежением, но они не предприняли активных действий для их наказания – в этом состояла коллективная вина уездного дворянства. Сходным образом молчаливыми соучастниками Салтычихи следует признать московских чиновников и дворян, которые не оказывали противодействие богатой и родовитой вдове, смотрели сквозь пальцы на ее садистские поступки.

Исследование материалов громкого дела Дарьи Салтыковой позволяет заключить, что правосудие настигло убийцу благодаря сочетанию существенной инициативы снизу и личного вмешательства сверху. В России второй половины XVIII в. жертвы крепостнического насилия могли одержать верх в «легальном» сопротивлении помещикам благодаря ходатайству местных властей или помощи со стороны монарха. Для инициирования дела Салтычихи определяющее значение имел исторический контекст. Как показала Е.Н. Марасинова, Екатерина II в своих постановлениях апеллировала в первую очередь к «знатным подданным», тогда как коммуникация власти с податным населением велась редко, была формальной и опосредованной. Тем не менее императрица подписывала приговоры жестоким помещикам, а в начале правления рассматривала обращения крепостного люда, включая пять жалоб дворовых и крестьян Салтычихи. В августе 1767 г. монархиня приняла от Уложенной комиссии титул «Матери Отечества» [14. С. 202–203, 277–279, 386–387; 79. С. 63–65; 80. С. 198–199]. Публикация приговора Дарье Ивановой дочери позволила Екатерине Алексеевне продемонстрировать «матернее милосердие», в том числе по отношению к крепостным. Указ имел назидательный смысл и был адресован всему населению Российской империи.

Примечания

¹ В России середины XVIII в. при решении большинства общеуголовных дел, включая дело Салтычихи, применялся следственный (или розыскной) процесс, а не судебный. Как отмечают Е.В. Акельев и Г.О. Бабкова, «розыскной процесс был тайным и письменным, при его производстве отсутствовало судебное разбирательство, а поверенные допускались лишь в самых исключительных случаях» [23. С. 19]. Одним из основных следственных методов при «розыске» являлась пытка. В 1750–1760-х гг., ввиду общей тенденции к «смягчению нравов», пытки применялись все реже [23. С. 19, 36–39]. Об этом свидетельствует и решение Екатерины II отказаться от пытки подследственных по делу Дарьи Салтыковой, ограничившись только допросами и повальным обыском.

² В 1731 г. Москва была разделена на 12 команд со съезжими дворами, где постоянно дежурили офицеры и солдаты. Кремль и Китай-город, а также восточная часть Белого города, в которой находился дом Дарьи Салтыковой, относились к первой команде [46. С. 239, 256; 47. С. 79].

³ Богадельнями в России назывались заведения для призрения лиц, признанных неспособными к труду, включая людей престарелых, немощных, увечных и выздоравливающих. Богаделенные люди содержались за счет государственной казны, мирских или церковных денег. Как указывает Н.В. Козлова, в 1761 г. в 87 московских богадельнях, размещавшихся при приходских храмах, содержались за казенный счет более 4 тыс. лиц обоего пола. Деревянные строения богадельни находились в том числе при храме Введения на Сретенке, прихожанкой которого была Дарья Салтыкова. Как отмечает Н.В. Козлова, вопрос об обязанностях богаделенных людей остается малоизученным [51. С. 15, 187–191, 218, 261, 270, 292–297]. Между тем, из материалов дела Салтычихи становится известно, что богадельные люди могли проводить наружный осмотр мертвых тел по просьбе священников.

⁴ «Убогими домами» или «скудельницами» в России называли ямы, в которые клали умерших неестественной смертью. После проведения панихиды в Семик яму закапывали, и она становилась братской могилой. К концу XVIII в. практика захоронений в убогих домах прекратилась: при Екатерине II они были запрещены и замещены кладбищами. Согласно исследованию А.Б. Каменского, в 1750–1770-е гг. государственные учреждения предписывали хоронить самоубийц в отдаленных от поселений местах, иногда и у церковной ограды. Историк находит лишь один пример, когда тело самоубийцы было отправлено властями в убогий дом. Для сравнения: жертв убийств в середине столетия продолжали хоронить в скудельницах, о чем свидетельствует и дело Салтычихи [49. С. 303–307; 54. С. 238–241, 253–257; 55. С. 123–127, 140–143, 210–211, 269].

⁵ Согласно указу 1724 г., крепостные могли уходить на 30 верст от дома при условии, что они имели разрешение от помещика или приказчика, заверенное у приходского священника. Для отъезда на дальние расстояния такое «пропускное письмо» заверяли у местных властей, земского комиссара и полковника гарнизона. В соответствии с указом 1726 г., крестьянские паспорта на отъезд далее 30 верст изготавливались печатным способом [59. С. 323–328]. В этих обстоятельствах «ходоки», отправлявшиеся для подачи жалоб на помещиков и администрацию, как правило, не имели паспортов, а значит, считались «беглыми». При Павле I крепостным просителям, которые обращались в императорскую канцелярию, начали выдавать паспорта для возвращения к владельцам или посещения канцелярий на законных основаниях [60. Л. 73 об., 110, 162, 167 об.–168].

⁶ Для объяснения, почему крепостные Салтычихи в челобитной представились не ее людьми, а людьми Глеба Салтыкова, который умер около семи лет назад, можно принять следующую гипотезу. Частновладельческие крестьяне и дворовые вкладывали особый смысл в адресную часть формуляра челобитных. По моим подсчетам, в большинстве петиций, которые крепостные подавали Павлу I в 1797 г., имя помещика в адресной части указывалось во вторую очередь после места жительства или вовсе пропускалось (39 из 65 адресов, или 60% случаев) [73. С. 1299–1300]. Решение крепостного люда пропустить имя владельца в начале «всеподданнейшего прошения» могло подчеркивать негативное отношение челобитчиков к помещику и/или их намерение получить «вольный» статус.

⁷ О феномене самоубийства крепостных в России XVIII в. см. [49. С. 311–312, 325–328; 66. С. 238].

⁸ В «экстракте» Юстиц-коллегии приведен упомянутый челобитчиками рапорт каптенармуса 2-го гренадерского Ростовского полка Ивана Шугаева от 27 ноября 1762 г. Согласно рапорту, дворовая Марина Федорова потребовала от караульного сообщить властям, что помещица их бьет, морит и пытается, иначе девушки будут «принуждены предаться смерти». После получения рапорта коллегия приказала унтер-офицеру «до побои людей ее и до таких мучительств не допускать» [11. Л. 250 об.–255]. Находившаяся под арестом Салтыкова, однако, продолжила издеваться над крепостными.

⁹ При подсчете за одну жалобу принимается устное или письменное объявление о преступлениях, совершенных Д.Н. Салтыковой. Крепостных челобитчиков нередко пересылали между двумя-четырьмя учреждениями, в каждом из которых они выступали с обвинениями; несколько подобных жалоб одних и тех же просителей я принимаю за единицу анализа. Например, Василий Цыганов с товарищами обвинили помещицу в Клинской воеводской канцелярии, после чего повторили свою жалобу в Московской губернской канцелярии. Также за единицу анализа принимаются жалобы разрозненных групп и лиц, которые после пересылки между учреждениями были допрошены вместе в рамках одного производства. Так, Иван Шавкунов и его спутники жаловались отдельно от Мелентия Некрасова и от Артемия Тарнахина. Тем не менее все шесть крепостных в рамках одного дела были допрошены в Московской Сенатской конторе, а затем отправлены в Сыскной приказ.

Список источников

1. Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ. Ф. 475. К. 1. Д. 2.
2. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793 : в 4 т. СПб. : Печатня В.И. Головина, 1871. Т. 2. 1120 стб.
3. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793 : в 4 т. СПб. : Печатня В.И. Головина, 1872. Т. 3. 1244 стб.
4. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793 : в 4 т. СПб. : Печатня В.С. Балашева, 1873. Т. 4. 1330+84 стб.
5. Литвинова Т. «Помещичья правда». Дворянство Левобережной Украины и крестьянский вопрос в конце XVIII – первой половине XIX века. М. : Новое лит. обозрение, 2019. 648 с.
6. Щерблыгина И.В. А.Т. Болотов: Гармония мира и души. Ценностные ориентации и творческие интересы. М. : Андреев флаг, 2003. 287 с.
7. Пикеринг Антонова К. Господа Чихачевы. Мир поместного дворянства в николаевской России / пер. с англ. М. Семиколенных. М. : Новое лит. обозрение, 2019. 456 с.
8. Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки). М. : РОССПЭН, 1999. 302 с.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 7. Оп. 2. Д. 2076.
10. РГАДА. Ф. 264. Оп. 5. Д. 5.
11. РГАДА. Ф. 264. Оп. 5. Д. 7.
12. Студенкин Г.И. Салтычиха. 1730–1801 // Русская старина. 1874. Т. 10. С. 496–548.
13. Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. 2-е изд. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. Т. 1. XXXVII+643 с.
14. Марасинова Е.Н. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 512 с.
15. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1-е. СПб. : Тип. II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 18, № 13211. С. 782.
16. Passenans P.D. La Russie et l'esclavage, dans leurs rapports avec la civilisation Européenne: ou de l'influence de la servitude sur la vie domestique des Russes, sur leur existence civile, morale et politique, et sur les destinées de l'Europe. Paris : Pierre Blanchard, 1822. Vol. 1. 202 p.
17. Снегирев И.М. Ивановский монастырь в Москве // Русские достопамятности / под ред. А.А. Мартынова. М. : Тип. Бахметьева, 1863. Т. 1, вып. 5. С. 1–20.
18. Зритель общественной жизни, литературы и спорта. М., 1863. № 35. С. 303–307.
19. Кичеев П.Г. Салтычиха // Русский архив. 1865. Вып. 2. С. 247–256.
20. Майков Л.П. Современное письмо о Салтычихе // Оснадацый век / П. Бартенев. М. : Тип. Т. Рис. у Мясницких ворот, 1869. Кн. 4. С. 94–96.
21. Шеппинг Д.О. Поместье Салтычихи // Русский архив. М., 1871. Т. 16. С. 1281–1286.
22. Великолукские народные легенды. Сообщены Ив. Мамакиным из Лукояновского у. Нижегородской губернии // Живая старина. 1890. Вып. 2. С. 139–140.
23. Акельев Е.В., Бабкова Г.О. «Дабы розыски и пытки могли чинитца порядочно, как указы повелевают»: Эволюция теории и практики «розыскного» процесса в России первой половины XVIII в. // Cahiers du Monde Russe. 2012. № 53/1. С. 15–39.
24. Снегирев И.М. Лубочные картинки русского народа в московском мире. М. : Унив. тип., 1861. 137 с.
25. Зритель общественной жизни, литературы и спорта. М., 1863. № 36. С. 340–344.

26. Кичеев П.Г. О состоянии русской армии в Семилетнюю войну. О злой Салтычихе. Лейпциг : В. Гергард, 1863. 42 с.
27. Указ Московской духовной консистории в Пехрянское духовное правление... Сообщен Н.П. Розановым // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете / О.М. Бодянский. М. : Унив. тип, 1872. Кн. 1. С. 33–37.
28. Мельников П.И. Выписка из дела о вдове Салтыковой, судившейся за жестокость в обращении с людьми и многия смертоубийства // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М. : Унив. тип, 1872. Кн. 1. С. 38–44.
29. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. 3-е изд. М. : Гос. изд. юр. лит., 1960. Т. 1. 384 с.
30. Blum J. Lord and Peasant in Russia. From the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, NJ : Princeton Univ. Press, 1972. X+656 p.
31. Прохоров М.Ф. Помещичьи крестьяне Московской губернии в третьей четверти XVIII века : дис. ... канд. ист. наук. М. : МГИАИ, 1975. 302 с.
32. Marrese M. A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1864. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2002. XVI+276 p.
33. Экштут С.А. Роман душегубицы // Родина. 2002. № 3. С. 52–55.
34. Манькова Л.В. Кровавая барыня // Родина. 2002. № 2. С. 44–51.
35. Манькова Л.В. Кровавая барыня. Уголовное дело // Тюрьма и ссылка в дореволюционной России : сб. ст. / под общ. ред. Н. Катцера, С.В. Кудряшова. М. : Историческая литература, 2016. С. 209–229.
36. Анисимов Е.В. Елизавета Петровна: биография отдельного лица. 4-е изд. М. : Молодая гвардия, 2005. 459 с.
37. Анисимов Е.В. Афродита у власти. Царствование Елизаветы Петровны. М. : АСТ, Астрель, 2010. 608 с.
38. Эскин Ю.М. Дело Салтычихи // Родина. 2002. № 3. С. 56.
39. Черников С.В. Власть и собственность. Особенности мобилизации земельных владений в Московском уезде в первой половине XVIII в. // Cahiers du Monde Russe. 2012. № 53/1. P. 141–245.
40. Салтыкова Дарья Николаевна // Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в. Проект Германского исторического института в Москве / науч. рук. О.Е. Глаголева, рук. И. Ширле. URL: https://adelwiki.dhi-moskau.de/index.php/Салтыкова_Дарья_Николаевна (дата обращения: 31.05.2022).
41. РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Ч. 1. Д. 4864.
42. РГАДА. Ф. 400. Оп. 5. Д. 760.
43. РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 590.
44. РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 633.
45. РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 635.
46. Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы: Материалы и исследования / под общ. ред. Ф.И. Салова. М. : Мосгорисполком, 1950. Вып. 1. 416 с.
47. Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М. : Молодая гвардия, 2012. 413 с.
48. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей: (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). 3-е изд. Киев : Тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1913. 23+1772 с.
49. Каменский А.Б. Любовь, страсть и отчаяние – русские преступления XVIII века. СПб. : Алетей, 2022. 406 с.
50. Баринев Е.Х. Дорогой мистер Холмс. М. : Проспект, 2017. 208 с.
51. Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М. : РОССПЭН, 2010. 359 с.
52. ПСЗРИ. Собрание 1-е. СПб. : Тип. II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 9, № 6852. Гл. 11. С. 679–680.
53. Чистович Я. История первых медицинских школ в России. СПб. : Тип. Я. Трея, 1883. V+662+CCCLXX с.
54. Снегирев И.М. О скудельницах или убогих домах в России // Труды и записки Общества истории и древностей Российских. М. : Унив. тип., 1826. Т. 3, кн. 1. С. 235–263.
55. Шокарев С.Ю. Источники по истории Московского некрополя XII – начала XX в. М. ; СПб. : Нестор-История, 2020. 488 с.
56. Кожин В.В. Тютчев. М. : Молодая гвардия, 1988. 496 с.
57. ПСЗРИ. Собрание 1-е. СПб. : Тип. II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 15, № 11445. С. 915–918.
58. Анисимов Е.В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М. : Новое лит. обозрение, 1999. 719 с.
59. Кошелева О.Е. «Без пашпортов и с воровскими пашпорты», или Можно ли обмануть государственный контроль? // Обман как повседневная практика. Индивидуальные и коллективные стратегии поведения / под ред. О.И. Тогоевой, О.Е. Кошелевой. М. : ИВИ РАН, 2016. С. 323–348.
60. РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 2.
61. РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 588.
62. РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 571.
63. Ибнеева Г.В. Формирование имперской политики России во второй половине XVIII в.: опыт политического взаимодействия Екатерины II и имперского пространства : дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2007. 610 с.
64. РГАДА. Ф. 248. Оп. 41. Д. 3493.
65. «Русская верность, честь и отвага» Джона Элфинстона. Повествование о службе Екатерине II и об Архипелагской экспедиции Российского флота / иссл., пер. с англ. и коммент. Е. Смилянкой и Ю. Лейкин. М. : Новое лит. обозрение, 2020. 608 с.
66. Моряков Е.Ю. Ссылка на поселение в мемуарах бывших крепостных // Люди империи – империя людей: персональная и институциональная история Азиатских окраин России : сб. науч. статей / отв. ред. Н.Г. Суворова. Омск : ОмГУ, 2021. С. 233–239.
67. Сборник Императорского русского исторического общества (СИРИО). СПб. : Тип. Имп. АН, 1872. Т. 10. XXXII+477 с.
68. РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 637.
69. РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 658.
70. Алефиренко П.К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII века. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 422 с.
71. Соборное уложение 1649 года: учебное пособие для высшей школы / М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. М. : Изд-во МГУ, 1961. С. 73. Гл. 2. П. 13.
72. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву; Вольность / В.А. Западов. СПб. : Наука, 1992. 671 с.
73. Моряков Е.Ю. Региональная идентичность крепостных в прошениях императору Павлу Первому // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 4. С. 1292–1306.
74. Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М. : Индрик, 2003. 464 с.
75. РГАДА. Ф. 7. Д. 1677.
76. РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 455.
77. РГАДА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 1476.
78. РГАДА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 1554.
79. СИРИО. Т. 4. СПб. : Тип. Имп. АН, 1869. XXXVII+511 с.

80. Бабкова Г.О. Понятия «криминальный» и «уголовный» в проектах по обновлению уголовного права и процесса Екатерины II // Гиштории російские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского / сост. Е.В. Акельев, В.Е. Борисов; отв. ред. Е.Б. Смилянская. М.: Древлехранилище, 2014. С. 161–206.

References

1. Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey RGB [Research Department of Manuscripts of the RSL]. Fund 475. List 1. File 2. (In Russian).
2. Bolotov, A.T. (1871) *Zhizn' i prikluycheniya Andrey Bolotova, opisannye samim im dlya svoikh potomkov. 1738–1793* [The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Described by Himself for His Descendants. 1738–1793]. Vol. 2. Saint Petersburg: Pechatnya V.I. Golovina.
3. Bolotov, A.T. (1872) *Zhizn' i prikluycheniya Andrey Bolotova, opisannye samim im dlya svoikh potomkov. 1738–1793* [The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Described by Himself for His Descendants. 1738–1793]. Vol. 3. Saint Petersburg: Pechatnya V.I. Golovina.
4. Bolotov, A.T. (1873) *Zhizn' i prikluycheniya Andrey Bolotova, opisannye samim im dlya svoikh potomkov. 1738–1793* [The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Described by Himself for His Descendants. 1738–1793]. Vol. 4. Saint Petersburg: Pechatnya V.S. Balasheva.
5. Litvinova, T. (2019) "Pomeshchich'ya pravda". *Dvoryanstvo Levoberezhnoy Ukrainy i krest'yanskiy vopros v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka* ["Landowner's Truth"]. The nobility of the Left-Bank Ukraine and the peasant question at the end of the 18th – the first half of the 19th century]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
6. Shcheblygina, I.V. (2003) *A.T. Bolotov: Garmoniya mira i dushi. Tsennostnye orientatsii i tvorcheskies interesy* [A.T. Bolotov: Harmony of the world and soul. Value orientations and creative interests]. Moscow: Andreev flag.
7. Pikering Antonova, K. (2019) *Gospoda Chikhachevy. Mir pomestnogo dvoryanstva v nikolaevskoy Rossii* [The Chikhachevs. The world of the local nobility in Nikolaev Russia]. Translated from English by M. Semikolennykh. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
8. Marasina, E.N. (1999) *Psikhologiya elity rossiyskogo dvoryanstva posledney treti XVIII veka (Po materialam perepiski)* [Psychology of the Elite of the Russian Nobility in the Last Third of the 18th Century (Based on correspondence)]. Moscow: ROSSPEN.
9. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 7. List 2. File 2076. (In Russian).
10. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 264. List 5. File 5. (In Russian).
11. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 264. List 5. File 7. (In Russian).
12. Studenkin, G.I. (1874) Saltychikha. 1730–1801. *Russkaya starina*. 10. pp. 496–548.
13. Semevskiy, V.I. (1903) *Krest'yane v tsarstvovanie Ekateriny II* [Peasants in the Reign of Catherine II]. 2nd ed. Vol. 1. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
14. Marasina, E.N. (2017) "Zakon" i "grazhdanin" v Rossii vtoroy poloviny XVIII veka: ocherki istorii obshchestvennogo soznaniya ["Law" and "Citizen" in Russia in the Second Half of the 18th Century: Essays on the history of social consciousness]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
15. Speranskiy, M.M. (ed.) (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1]. Vol. 18. Issue 13211. Saint Petersburg: Tip. II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii. P. 782.
16. Passenans, P.D. (1822) *La Russie et l'esclavage, dans leurs rapports avec la civilisation Européenne: ou de l'influence de la servitude sur la vie domestique des Russes, sur leur existence civile, morale et politique, et sur les destinées de l'Europe*. Vol. 1. Paris: Pierre Blanshard.
17. Snegirev, I.M. (1863) Ivanovskiy monastyr' v Moskve [Ivanovo Monastery in Moscow]. In: Martynov, A.A. (ed.) *Russkie dostopamyatnosti* [Russian Landmarks]. Moscow: Tip. Bakhmet'eva. Vol. 1-5. pp. 1–20.
18. Zritel' obshchestvennoy zhizni, literatury i sporta. (1863) 35. pp. 303–307. (In Russian).
19. Kicheev, P.G. (1865) Saltychikha. *Russkiy arkhiv*. 2. pp. 247–256. (In Russian).
20. Maykov, L.P. (1869) Sovremennoe pis'mo o Saltychikhe [Modern letter about Saltychikha]. In: Bartenev, P. *Osmnadsatyy vek* [Eighteenth Century]. Vol. 4. Moscow: Tip. T. Ris. u Myasnitskikh vorot. pp. 94–96.
21. Shepping, D.O. (1871) Pomest'e Saltychikhi [Saltychikha's estate]. *Russkiy arkhiv*. 16. pp. 1281–1286.
22. Zhivaya starina. (1890) Velikorusskie narodnye legendy. Soobshcheny Iv. Mamakinym iz Lukoyanovskogo u. Nizhegorodskoy gubernii [Great Russian folk legends. Reported by Iv. Mamakin from Lukoyanovsky district. Nizhny Novgorod province]. *Zhivaya starina*. 2. pp. 139–140.
23. Akel'ev, E.V. & Babkova, G.O. (2012) "Daby rozyski i pytki mogli chinittsa poryadochno, kak ukazy povelevayut": Evolyutsiya teorii i praktiki "rozysknogo" protsesssa v Rossii pervoy poloviny XVIII v. ["So that searches and tortures can be executed decently, as decrees command": The evolution of the theory and practice of the "search" process in Russia in the first half of the 18th century]. *Cahiers du Monde Russe*. 53/1. pp. 15–39.
24. Snegirev, I.M. (1861) *Lubochnye kartinki russkogo naroda v moskovskom mire* [Lubok Pictures of the Russian People in the Moscow World]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
25. Zritel' obshchestvennoy zhizni, literatury i sporta. (1863). 36. pp. 340–344.
26. Kicheev, P.G. (1863) *O sostoyanii russkoy armii v Semiletnyuyu voynu. O zloy Saltychikhe* [On the State of the Russian Army in the Seven Years' War. About the Evil Saltychikha]. Leipzig: V. Gergard.
27. Rozanov, N.P. (1872) Ukaz Moskovskoy dukhovnoy konsistorii v Pekhryanskoe dukhovnoe pravlenie... [Decree of the Moscow Ecclesiastical Consistory to the Pekhryansk Ecclesiastical Board ...]. In: Bodyanskiy, O.M. (ed.) *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete* [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. Book 1. Moscow: Univ. tip. pp. 33–37.
28. Mel'nikov, P.I. (1872) Vypiska iz dela o vdove Saltykovoy, sudivsheysya za zhestokost' v obrashchenii s lyud'mi i mnogiya smertoubiystva [Extract from the case of the widow Saltykova, who was sued for cruelty in dealing with people and many murders]. In: Bodyanskiy, O.M. (ed.) *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete* [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. Book 1. Moscow: Univ. tip. pp. 38–44.
29. Gernet, M.N. (1960) *Istoriya tsarskoy tyur'my* [History of the Royal Prison]. 3rd ed. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury.
30. Blum, J. (1972) *Lord and Peasant in Russia. From the Ninth to the Nineteenth Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
31. Prokhorov, M.F. (1975) *Pomeshchich'i krest'yane Moskovskoy gubernii v tret'ey chetverti XVIII veka* [Landlord peasants of the Moscow province in the third quarter of the 18th century]. History Cand. Diss. Moscow.
32. Marrese, M. (2002) *A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1864*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
33. Ekshtut, S.A. (2002) Roman dushhebubitsy. *Rodina*. 3. pp. 52–55.
34. Man'kova, L.V. (2002) Krovavaya barynya [Bloody Lady]. *Rodina*. 2. pp. 44–51.
35. Man'kova, L.V. (2016) Krovavaya barynya. Ugolovnoe delo [Blood lady. Criminal case]. In: Katzer, N. & Kudryashov, S.V. (eds) *Tyur'ma i ssylka v dorevolutsionnoy Rossii* [Prison and Exile in Pre-Revolutionary Russia]. Moscow: Istoricheskaya literatura. pp. 209–229.
36. Anisimov, E.V. (2005) *Elizaveta Petrovna: biografiya ot del'nogo litsa* [Elizaveta Petrovna: Biography of an individual]. 4th ed. Moscow: Molodaya gvardiya.
37. Anisimov, E.V. (2010) *Afrodita u vlasti. Tsarstvovanie Elizavety Petrovny* [Aphrodite is in Power. The reign of Elizabeth Petrovna]. Moscow: AST, Astrel'.
38. Eskin, Yu.M. (2002) Delo Saltychikhi [The case of Saltychikha]. *Rodina*. 3. P. 56.

39. Chernikov, S.V. (2012) Vlast' i sobstvennost'. Osobennosti mobilizatsii zemel'nykh vladeniy v Moskovskom uезде v pervoy polovine XVIII v. [Power and property. Features of the mobilization of land holdings in the Moscow district in the first half of the 18th century]. *Cahiers du Monde Russe*. 53/1. pp. 141–245.
40. Glagoleva, O.E. & Shirle, I. (eds) Saltykova Dar'ya Nikolaevna. In: *Kul'tura i byt russkogo dvoryanstva v provintsii XVIII v. Proekt Germanskogo istoricheskogo instituta v Moskve* [Culture and Life of the Russian Nobility in the Province of the 18th Century. Project of the German Historical Institute in Moscow]. [Online] Available from: https://adelwiki.dhi-moskau.de/index.php/Saltykova_Dar'ya_Nikolaevna. (Accessed: 31.05.2022).
41. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 372. List 1. Part 1. File 4864. (In Russian).
42. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 400. List 5. File 760. (In Russian).
43. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 931. List 3. File 590. (In Russian).
44. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 931. List 3. File 633. (In Russian).
45. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 931. List 3. File 635. (In Russian).
46. Sytin, P.V. (1950) *Istoriya planirovki i zastroyki Moskvy: Materialy i issledovaniya* [History of Planning and Development of Moscow: Materials and research]. Vol. 1. Moscow: Mosgorispolkom.
47. Akel'ev, E.V. (2012) *Povsednevnyaya zhizn' vorovskogo mira Moskvy vo vremena Van'ki Kaina* [Daily Life of the Thieves' World in Moscow During the Time of Vanka Cain]. Moscow: Molodaya gvardiya.
48. Bulgakov, S.V. (1913) *Nastol'naya kniga dlya syashchennno-tserkovno-sluzhiteley: (Sbornik svedeniy, kasayushchikhsya preimushchestvenno prakticheskoy deyatel'nosti otechestvennogo dukhovenstva)* [Handbook for the Sacred Church Ministers: (Collection of information relating mainly to the practical activities of the domestic clergy)]. 3rd ed. Kiev: Tip. Kievo-Pecherskoy Uspenskoj lavry.
49. Kamenskiy, A.B. (2022) *Lyubov', strast' i otchayanie – russkie prestupleniya XVIII veka* [Love, Passion and Despair are Russian Crimes of the 18th Century]. Saint Petersburg: Aleteyya.
50. Barinov, E.Kh. (2017) *Dorogoy mister Kholms* [Dear Mr Holmes]. Moscow: Prospekt.
51. Kozlova, N.V. (2010) *Lyudi dryakhlые, bol'nye, ubogie v Moskve XVIII veka* [People are Decrepit, Sick, Miserable in Moscow of the 18th Century]. Moscow: ROSSPEN.
52. Speranskiy, M.M. (ed.) (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1]. Vol. 9. Issue 6852. Saint Petersburg: Tip. II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii. pp. 679–680.
53. Chistovich, Ya. (1883) *Istoriya pervykh meditsinskikh shkol v Rossii* [History of the First Medical Schools in Russia]. Saint Petersburg: Tip. Ya. Treya.
54. Snegirev, I.M. (1826) O skudel'nitsakh ili ubogikh domakh v Rossii [About skudel'nitsy or potter's fields in Russia]. In: *Trudy i zapiski Obshchestva istorii i drevnostey Rossiyskikh* [Proceedings and Notes of the Society of Russian History and Antiquities]. Vol. 3. Book 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya. pp. 235–263.
55. Shokarev, S.Yu. (2020) *Istochniki po istorii Moskovskogo nekropolya XII – nachala XX v.* [Sources on the History of the Moscow Necropolis 12th – Early 20th Centuries]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
56. Kozhinov, V.V. (1988) *Tyutchev*. Moscow: Molodaya gvardiya.
57. Speranskiy, M.M. (ed.) (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1]. Vol. 15. Issue 11445. Saint Petersburg: Tip. II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii. pp. 915–918.
58. Anisimov, E.V. (1999) *Dyba i knut: politicheskij syisk i russkoe obshchestvo v XVIII veke* [Rack and Whip: Political investigation and Russian society in the 18th century]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
59. Kosheleva, O.E. (2016) “Bez pashportov i s vorovskimi pashporty”, ili Mozhno li obmanut' gosudarstvennyy kontrol'? [“Without passports and with thieves' passports”, or is it possible to deceive state control?]. In: Togoeva, O.I. & Kosheleva, O.E. (eds) *Obman kak povsednevnyaya praktika. Individual'nye i kollektivnye strategii povedeniya* [Deception as a Daily Practice. Individual and Collective Strategies of Behavior]. Moscow: IWH RAS. pp. 323–348.
60. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 7. File 2985. Part 2. (In Russian).
61. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 931. List 3. File 588. (In Russian).
62. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 10. List 3. File 571. (In Russian).
63. Ibneeva, G.V. (2007) *Formirovanie imperskoy politiki Rossii vo vtoroy polovine XVIII v.: opyt politicheskogo vzaimodeystviya Ekateriny II i imperskogo prostranstva* [Formation of Russia's imperial policy in the second half of the 18th century: the experience of political interaction between Catherine II and the imperial space]. History Dr. Diss. Kazan.
64. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 248. List 41. File 3493. (In Russian).
65. Smilyanskaya, E. & Leykin, Yu. (eds) (2020) “Russkaya vernost', chest' i otvaga” *Dzhona El'finstona. Povestvovanie o sluzhbe Ekaterine II i ob Arkhipelagskoy ekspeditsii Rossiyskogo flota* [John Elphinstone's “Russian fidelity, honor and courage”. The story of the service to Catherine II and the Archipelago expedition of the Russian fleet]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
66. Moryakov, E.Yu. (2021) Ssylka na poselenie v memuarakh byvshikh krestnykh [Reference to the settlement in the memoirs of former serfs]. In: Suvorova, N.G. (ed.) *Lyudi imperii – imperiya lyudey: personal'naya i institutsional'naya istoriya Aziatskikh okrain Rossii* [People of the Empire – the Empire of People: A personal and institutional history of the Asian outskirts of Russia]. Omsk: Omsk State University. pp. 233–239.
67. Imperial Academy of Sciences. (1872) *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 10. Saint Petersburg: IAS.
68. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 931. List 3. File 637. (In Russian).
69. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 931. List 3. File 658. (In Russian).
70. Alefirenko, P.K. (1958) *Krest'yanskoe dvizhenie i krest'yanskiy vopros v Rossii v 30–50-kh godakh XVIII veka* [Peasant Movement and the Peasant Question in Russia in the 1730s – 1750s]. Moscow: USSR AS.
71. Tikhomirov, M.N. & Epifanov, P.P. (1961) *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* [Sobornoe Ulozhenie of 1649]. Moscow: Moscow State University. P. 73.
72. Radishchev, A.N. (1992) *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu; Vol'nost'* [Journey from Petersburg to Moscow; Liberty]. Saint Petersburg: Nauka.
73. Moryakov, E.Yu. (2020) Regional'naya identichnost' krestnykh v prosheniyakh imperatoru Pavlu Pervomu [Regional Identity of Serfs in Petitions to Emperor Paul the First]. *Quaestio Rossica*. 4 (8). pp. 1292–1306.
74. Smilyanskaya, E.B. (2003) *Volshebnyki. Bogokhul'niki. Eretiki. Narodnaya religioznost' i “dukhovnye prestupleniya” v Rossii XVIII v.* [Wizards. Blasphemers. Heretics. Folk religiosity and “spiritual crimes” in Russia in the 18th century]. Moscow: Indrik.
75. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 7. File 1677. (In Russian).
76. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 10. List 1. File. 455. (In Russian).
77. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 405. List 1. File 1476. (In Russian).
78. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 405. List 1. File 1554. (In Russian).
79. Polovtsev, A.A. (ed.) (1869) *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 4. Saint Petersburg: IAS.
80. Babkova, G.O. (2014) Ponyatiya “kriminal'nyy” i “ugolovnyy” v proektakh po obnovleniyu ugolovnogo prava i protsessu Ekateriny II [The concepts of “kriminal'nyy” and “ugolovnyy” in projects to update the criminal law and the process of Catherine II]. In: Smilyanskaya, E.B. (ed.) *Gishtorii rossiyskie, ili Opyty i razyskaniya k yubileyu Aleksandra Borisovicha Kamenskogo* [Russian Histories, or Studies and Research for the anniversary of Alexander Borisovich Kamensky]. Moscow: Drevlekhranilishche. pp. 161–206.

Информация об авторе:

Моряков Е.Ю. – стажер-исследователь Центра истории России Нового времени Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: erofeymoryakov@gmail.com. ORCID: 0000-0002-6907-1865

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ye.Yu. Moriakov, intern researcher, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: erofeymoryakov@gmail.com. ORCID: 0000-0002-6907-1865

The author declares no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 21.07.2022;
одобрена после рецензирования 21.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 21.07.2022;
approved after reviewing 21.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.*